

„Socialisticheski Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix — 3 frs

Organe Central du Parti
Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии

Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 19 (399)

17-й г. издания

Подписная плата для Франции: в год 80 фр., на ½ г. — 40 фр., на ¼ г. — 20 фр., отд. номер — 3 фр., двойной номер — 5 фр.; для остальных стран: на год — 6 долларов; на ½ г. — 3 доллара на ¼ г. — 1.5 долл. За перем. адр. — 1 фр. Конт. и ред.: 11, Square Albin Cachot (141, г. Broca), Paris XIII. Тел.: Port-Royal 05-25
Chèques Postaux «Le Courrier Socialiste» — 359.84 Paris
Прием по делам ред.: по понед., средам и пятницам, от 11—1 ч.

14 Октября 1937 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая: Перед выборами.

Ф. Дан. Государственный бандитизм.

С. Ш. «Вредительская» перепись.

В. Ал. Стахановцы деревни.

П. Гарви. Необъявление войны и коллективная безопасность.

Фельетон: Ю. Осокин.

Заграницей: В. Мандельберг. Независимое Еврейское Государство и Еврейская Рабочая Партия. — К похищению тов. Марка Рейна.

По России: Разгром национальных республик продолжается.

Из Партии: Бесстыдная клевета.

Е. Е. Лазарев (некролог).

Издания, поступившие в редакцию.

Сталинизация истории.

ПЕРЕД ВЫБОРАМИ

«Страна приближается к самому ответственному периоду подготовки выборов, то-есть периоду выдвижения и обсуждения по округам кандидатур», пишет «Правда» (5 окт.). И чем неумолимее надвигается срок, когда придется все-же платить по выданному чуть не три года тому назад «демократическому» векселю и призвать советского гражданина к «тайной» подаче голоса, тем больше вся, буквально вся деятельность сталинской диктатуры, вся ее политика, внутренняя и внешняя, окрашивается в «предвыборный» цвет.

Мы не раз уже говорили, как неразрывно связана с предстоящими выборами та палаческо-грязевая чистка, которой Сталин подвергает, сверху до низу, свой партийный и советский аппарат. Но о чем ни зашла бы теперь речь — о предстоящих с.-х. работах или о добыче угля, о ж.-д. транспорте или военных маневрах, о профсоюзах или женском, юношеском и детском днях, — ко всякому очередному вопросу сталинская диктатура подходит под углом зрения подготовки выборов, или, точнее, превращения этих выборов в оглушительный сталинский плебисцит. «Возглавить политическую активность масс», обеспечить прохождение кандидатов, «безгранично преданных» диктатору, — вот к чему изодня в день призывает сталинский рупор, «Правда», всех коммунистов, комсомольцев, активистов, «беспартийных большевиков», всю советскую печать. Сотни тысяч, если не миллионы, пропагандистов и агитаторов уже мобилизованы на эту работу, чтобы можно было, «обрабатывая» небольшой кружок избирателей, каждого из них «проверить», кого нужно, своевременно «разо-

блачить», «дать резкий отпор враждебным высказываниям» и, в конце концов, построив избирателей в маршевые роты и батальоны, всех их привести к «подножию ног» благословенного отца отечества.

О чем-же свидетельствует эта лихорадочно напряженная подготовка сталинской диктатуры к выборам?

Она свидетельствует, во-первых, о том, что сам Сталин, лучше всех, конечно, знающий истинную цену и своего собственного демократизма, и той «самой совершенной в мире» демократии, которую он собирается осчастливить советскую страну, все-же придает предстоящим выборам самое серьезное политическое значение. Она свидетельствует, во-вторых, о том, что, несмотря на организованный им «тоталитарный» предвыборный мордобой, он далеко не уверен в успехе подготовляемого им плебисцита и понимает, что, не то что провал, а хотя бы не «сто-процентный» успех мог бы нанести сильнейший удар его единодержавию. Надо, чтобы социалисты-демократы поняли то, что так хорошо понимает сам диктатор.

Наша партия ни на минуту не питала иллюзий ни насчет демократических намерений сталинской диктатуры, ни насчет непосредственно-практической, так сказать, парламентарной ценности новой, демократической конституции. Но она в то же время ни на минуту не забывала, что только с ограниченно-парламентарной точки зрения — или, если угодно, только с точки зрения своеобразного «парламентского кретинизма» — можно считать эту конституцию и предстоящие выборы простой

«комедией». Наоборот, она настаивала и настаивает, что с точки зрения конечных итогов русской революции эта конституция и выборы являются серьезнейшим, быть может, переломным и решающим этапом в борьбе между теми двумя тенденциями завершения двадцатилетнего революционного процесса, которые в наличной международной и внутренней обстановке представляются еще исторически возможными: тенденцией бонапартистски-оформляющейся единоличной диктатуры, которая, в конечном счете, не может не привести к ликвидации всех элементов социализма в русской революции, и тенденцией демократизации советского режима, делающей возможным сохранение этих элементов и их дальнейшее развитие в рамках общего поступательного движения мирового пролетарского социализма.

Сильнейшим рычагом тенденции первого рода является политическая пассивность трудящихся масс — все равно, выражается ли эта пассивность в анархически-индивидуалистическом погружении каждого отдельного рабочего и крестьянина в заботы о своем личном благополучии и в превращении масс в людскую пыль; или в сосредоточении всех помыслов масс и всей массовой энергии на «ближайших», чисто материальных интересах, имеющих групповой и цеховой характер и потому раздробляющих массы и делающих якобы «высокую», а на деле самым кровавым образом затрагивающую интересы масс, политику монополий «верхних десяти тысяч»; или же, наконец, в политически-бездейственном ожидании великих и богатых политических милостей от той междуусобицы, тех заговоров и переворотов, ареной которых может оказаться верхушка советской пирамиды.

И, наоборот, сильнейшим и даже единственно возможным рычагом тенденции второго рода является политическая активность трудящихся масс, — конечно, не та ура-активность, которую собираются «возглавлять» сталинская диктатура и которая на самом деле есть предельное выражение политической пассивности, а та подлинная, политически целеустремленная активность, каждое проявление которой уже само собою толкает вперед политическую мысль масс и создает элементы их организационного сплочения и роста.

Огромное, в наличных условиях неопенимое значение новой конституции и выборов наша партия увидела именно в том, что они впервые в обстановке тоталитарной диктатуры создают точки приложения для политической активности трудящихся масс. И в такой перспективе предстоящие выборы и для всех социалистов-демократов должны стать такою же центральной политической задачей, какой они стали для сталинской диктатуры. И для них «период выдвижения и обсуждения кандидатур» должен стать «самым ответственным периодом подготовки выборов». И они должны вложить в самый процесс выборов все силы, которыми располагают.

Надо добиваться, чтобы везде и всюду коллективы и группы рабочих и крестьян выдвигали своих кандидатов, которые будут в Верховном Совете представлять не сталинскую диктатуру, а трудящиеся классы, облеченные своим доверием. В обстановке тоталитарного террора это будет практически удаваться лишь в исключительных случаях. Но самая борьба за выставление таких кандидатур будет иметь огромное политико-воспитательное и организующее значение. Она будет привлекать внимание широчайших масс к плебисцитарной фальсификации торжественно возвешенной демократии и мобилизовать их политическое сознание на борьбу с этой опасностью. Она будет наглядно

вскрывать перед ними принудительный характер официальных кандидатур и готовить их к тому политическому акту, который окажется, вероятно, в большинстве случаев единственно доступным им, но который, если он примет сколько-нибудь массовый характер, нанесет сильнейший удар плебисцитарно-бонапартистским тенденциям: к вычеркиванию из избирательных бюллетеней насильственно навязываемых кандидатов.

Не бойкот выборов, а, наоборот, самое активное участие в них для положительного выставления и проведения подлинных классовых кандидатур там, где это окажется возможным, для протеста черняками против принудительных сталинских кандидатур во всех случаях, когда террор делает положительное использование выборов рабоче-крестьянскими массами невозможным, — такова та линия поведения, которую наша партия не перестает рекомендовать всем социалистам-демократам с первого же дня опубликования новой конституции.

Но есть ли в трудящихся массах настроения, на которые может опереться такая тактика? Есть ли люди (потому что о выборной работе организованных партий и групп в наличной обстановке говорить, очевидно, не приходится), способные взять на себя почин политического и организационного оформления таких настроений? Или же весь этот план является лишь «бессмысленным мечтанием», кабинетным измышлением, не имеющим никаких корней в советской действительности?

Тщетно, конечно, искать в советской печати сколько-нибудь правдивого и серьезного описания тех политико-психологических процессов, которые протекают или зревают в рабочих и крестьянских массах в ходе той предвыборной кампании, которую — именно ради превращения выборов в плебисцит — с таким шумом и треском ведет сталинская диктатура. Но нет-нет, да прорываются на столбцы газет, заполненные умилительно-слонявыми реляциями о «беспредельно преданных» рабочих и ликующих пейзажах, признания такого рода:

«То, что наши товарищи в деревне не могут объяснить массам, часто «объяснят» враги, эсеры, кулаки. Эти люди хорошо учитывают настроение масс. Они выступают внешне советски. Они по своему популяризируют избирательный закон... Они на словах восхваляют новую Конституцию, центральную власть. Они «только» против местных руководителей... Всеми путями и способами они стараются дискредитировать в глазах избирателей деревенского коммуниста, агитатора» (Ст. «Предвыборная агитация на селе» в «Правде» от 3 окт.).

Оставим в стороне «кулаков» или церковников, сектантов и пр., о которых говорится в других подобных высказываниях. Не может быть, конечно, сомнения, что и реакционные силы пытаются по своему использовать выборы, — и это удастся им тем скорее, чем больше социалисты-демократы предоставят им монополию на такое использование или чем больше сталинская диктатура, беспощадно искореняющая всех социалистов и инакомыслящих коммунистов, сама обеспечит им эту монополию.

Но сейчас мы хотим отметить другое: проскользнувшее на столбцы «Правды» признание, что та линия поведения, которую намечает наша партия, основана на «хорошем учете настроения масс»; что тактика, рассчитанная, как на минимум, на отвержение навязываемых

**ТОВАРИЩ,
ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ**

официальных кандидатур, не висит в воздухе, а сама собою, стихийно рождается в самой избирательской гуще. И если в деревне находятся для оформления ее «эсеры», то на фабрике и заводе, где, вопреки всем усилиям диктатуры, не вытравлен и не может быть вытравлен до конца социалдемократический «яд», найдутся социалдемократы, готовые и способные проводить эту тактику в том революционно-социалистическом духе, в каком ее понимает наша партия. Никакие миллионы мобилизуемых сталинской диктатурой агитаторов и пропагандистов ей тут не помогут — именно потому,

что ей нужны «миллионы», а миллионов «без дести преданных» она в тех народных низах, откуда вынуждена черпать их, не найдет и найти не может.

Всего этого достаточно, чтобы социалисты-демократы могли сделать выборную кампанию подлинно центральной задачей своей работы в твердой уверенности, что, каковы бы ни оказались ее непосредственные результаты, ею будет положено начало политической мобилизации трудящихся масс на борьбу против бонапартизма, за демократизацию советского режима.

Ф. ДАН.

Государственный бандитизм

Не только на Средиземном море практикуется государственное пиратство, т. е. разбой, организуемый «неизвестными» правительствами и поставленный на службу внутренне- и внешне-политическим целям этих правительств. По мере умножения режимов «тоталитарных» диктатур ареной такого пиратства (на суше оно называется по-просту бандитизмом) становится все больше вся Европа или, точнее, та демократическая часть Европы, где свободная мысль, свободное слово и свободная организация ищут и еще находят убежище от тоталитарного деспотизма и тоталитарного террора своих «отечественных» правительств. Хроника мировой печати начинает пестрить сообщениями о таинственных «политических» кражах, «похищениях» людей и загадочных убийствах. По цивилизованной Европе гуляют гангстеры, отличающиеся от гангстеров Чикаго или Нью-Йорка лишь тем, что они выполняют «политические» миссии: «политические со взломом», как когда-то иронически именовали подлинные уголовные сидельцы царских тюрем тех собратьев своих, которые в смутные годы после революции 1905 года охотно покрывали свой уголовный разбой пыльным наименованием «политической экспроприации»!

За последние год-полтора, со времени прихода к власти правительства Народного Фронта, почти совпавшего по времени с началом гражданской войны в Испании, главной мишенью «государственно» организованного бандитизма стала Франция. Непрерывающиеся и все ускоряющиеся чередой идут налеты, поджоги, взрывы, убийства. Непосредственные исполнители этих актов политического гангстерства остаются, по правилу, не открытыми. Но самая быстрота и совершенство, с какими во всех таких случаях удается «сокрытие следов преступления», указывает на то, что истинных вдохновителей и авторов этих преступлений приходится искать достаточно «высоко», как общая обстановка и характер их позволяют с определенностью наметить и направление, в котором должны идти поиски «неизвестных» бандитов. Сухопутный бандитизм несколько в этом отношении от морского пиратства не отличается...

Друзьям русской революции приходится с грустью констатировать, что к этой уголовной хронике, державшей в напряжении всю французскую полицию, и сталинская тоталитарная диктатура, возглавляющая и ныне с успехом диквидирующая эту революцию, свою руку приложила. Если убийство Навашина вызывало лишь обоснованные «полозения», то кража архива Троцкого не оставляла места никаким сомнениям на этот счет. И все-же события последних месяцев и недель делали очевидным, что главного, основного источника государственного бандитизма следует искать не в Москве, а в других европейских столицах. Не к советскому ГПУ, а

к германскому Гестапо, итальянской Овре и их испанскому франкистскому филиалу вели нити от всевозможных таинственных «исчезновений», от убийств «приватной» сыщицы Летиции Торо и известных итальянских демократов братьев Росселли, от попытки взрыва железнодорожного туннеля на испанско-французской границе и поджога аэродрома, на котором остановились американские аэропланы, предназначенные, как предполагалось, для республиканской Испании, от одновременного взрыва зданий двух основных предпринимательских организаций Франции, помещающихся близ площади Этуаль, и от других деяний такого-же рода.

Обширные аресты, произведенные французской полицией в связи с дерзкой попыткой захвата испанской подводной лодки, организаторами и непосредственными участниками которого оказались военный губернатор Ируна Тронкосо и другие виднейшие деятели франкистской Испании, позволили наконец заглянуть в самую сердцевину фашистского бандитизма. Начали вскрываться нити, самыми тесными, «персональными» узами связывающие участников этого преступления с участниками других, в том числе и взрыва на площади Этуаль. Начали выясняться пути, ведущие от групп налетчиков, поджигателей и убийц к официальным дипломатическим и иным представителям «неизвестных» правительств. Начали освещаться связи между иностранными фашистами и фашистами доморощенно — французскими, одни из которых были накрыты с полчиным, как непосредственные участники бандитских предприятий, другие — как организаторы широко разветвленного и хорошо вооруженного тайного общества, получившего насмешливое прозвище «кагуляры» («капюшонщики»), для подготовки фашистского переворота в самой Франции.

Не оставалось сомнения, что бандитские преступления на французской территории относятся к той-же категории явлений, что и пиратство на Средиземном море, что они являются лишь звеньями в длинной цепи международного фашистского заговора, непосредственной целью которого является фашизация Испании, но который для достижения этой цели напрягает все усилия, чтобы разжиганием внутренней смуты ослабить Францию Народного Фронта, создать в ней атмосферу хаоса и паники, в которой французские фашисты, при поддержке крупно-капиталистической реакции, могли бы с успехом осуществить тот переворот, который они безуспешно пытались совершить 6 февраля 1934 года. И в то же время не только розыскные успехи французской полиции и французских следственных властей, но и благоприятная международная ситуация (Нионское соглашение, свидетельствующее о намерении Англии занять более твердую по-

зицию в борьбе с германско-итальянским фашизмом, и связанный с этим кризис политики так наз. невмешательства) давали надежду, что на этот раз работа по разоблачению «неизвестных» вдохновителей государственного бандитизма будет доведена до конца — к величайшему благу не только республиканской Испании, но и самой французской демократии.

Естественно, что в виду возможности такого разоблачения чувство величайшей тревоги охватило не только фашистов Италии, Германии и Испании, но и фашистские и реакционные круги самой Франции. Естественно, что пресса этих кругов делала все возможное, чтобы затушевать фашистский бандитизм и напоминанием о похищении Кутепова спутать все карты, «отвлечь внимание» к большевикам и, если нельзя уж приписать им попытку захвата испанской подводной лодки, то, по крайней мере, свалить на них все другие преступления. Естественно, наконец, что, когда 22 сентября был похищен в Париже среди бела дня преемник Кутепова на посту главы Российского Обще-Воинского Союза, генерал Миллер, весть об этом похищении оказалась настоящим подарком судьбы для всего французского и мирового фашизма, для всей французской и мировой реакции.

Но точно так же вполне естественно, что все враги фашизма и реакции, вплоть до правительственных сфер Франции, решительно отказывались верить, чтобы с т а л и н с к о е ГПУ могло поднести такой подарок французскому и мировому фашизму. Не говоря уже о том, что сталинское правительство поддерживает политику Народного Фронта во Франции, оно все определеннее настаивает на отказе от «невмешательства» в Испании, требует беспощадного разоблачения и подавления «не-

известных» вдохновителей государственного бандитизма. Оно должно было бы сойти с ума, чтобы и со своей стороны совершить такой акт бандитизма как раз тогда, когда он грозит сорвать работу по разоблачению этих вдохновителей и затруднить ликвидацию политики невмешательства; как раз тогда, когда Советский Союз находится под острейшей угрозой войны и более, чем когда-либо, заинтересован в симпатиях и союзной Франции, и общественного мнения Англии, и всей европейской демократии, с одной стороны, в дискредитации и ослаблении своих фашистских антагонистов, с другой.

Единственно разумным было при таких условиях объяснить похищение генерала Миллера, как «диверсию», нарочито организованную Гестапо и Оврой в самый нужный для всей фашистской своры момент. Это объяснение подкреплялось тем противодействием, которое Миллер, при всех симпатиях своих к фашизму, оказывал, как известно, про-фашистскому «активизму», т. е. прямой постановке РОВС'а на службу фашистских врагов Советского Союза. Этому объяснению не противоречила и явно предательско - провокаторская роль, сыгранная в этом похищении генералом Скоблиным, против которого и раньше выдвигались обвинения в службе ГПУ: предателям такого рода нет даже надобности менять свою «ориентацию», чтобы служить одновременно нескольким разведочным и контр-разведочным богам. Предположение о «диверсии» начало уже складываться в твердое убеждение, когда раскрытие тайны совершенного в Лозанне 4 сентября убийства дало новые козыри в руки фашизма, потому что в конце подорвало убедительность всяких ссылок на разум выродившейся сталинской диктатуры. Мы и сейчас еще не считаем окончательно выясненным вопрос о «неизвестной» руке, похитившей генерала Миллера. Но уча-

Ю. ОСОКИН.

СТАЛИНИЗАЦИЯ ИСТОРИИ

По немецкой пословице бывают явления, на которые нельзя не писать сатиры. Производимая теперь в Советской России реформа исторического преподавания, несомненно, принадлежит к таким явлениям. Ее как будто для того и придумали, чтобы обеспечить в изобилии теми писателями юмористических фельетонов.

Не отрицая полной законности и чисто юмористического подхода к этой «новой исторической политике», мы думаем однако, что тут есть о чем подумать и поговорить очень серьезно. И прежде всего нужно постараться как можно яснее представить себе, в каких условиях возникает, печатается и распространяется новая советская историческая литература. Все знают, но вряд ли многие представляют себе с полной отчетливостью, что это значит, если сознательно и систематически уничтожается всякая возможность критической проверки, если создаются условия, при которых самая грубая фальсификация фактов, самая вопиющая прямая ложь не могут быть подвергнуты проверке и оспариваемы, если опирающейся на всю мощь государственной власти школе дается задание в зародыше подавлять всякое критическое поползновение мысли и приучать подрастающее поколение слепо верить всему, даже явному вздору, когда он подносится как официальная истина.

Конечно, преподавание истории, в особенности русской истории, и в царской России было тенденциозным. Нам навязывали определенное представление, сво-

дившееся к оправданию и восхвалению самодержавной власти. Но, несмотря на существование цензуры, которую тогда даже считали строгой, монополии одного мнения, одного освещения фактов не существовало, и всегда оставалась широкая возможность проверки, сравнения, размышления на основании различных освещений.

В классе нам рассказывали о благодеяниях «царя-освободителя», не разъясняя действительного содержания «освобождения крестьян» и ничего не говоря о теневых сторонах этой реформы. Но мы читали у Некрасова:

Порвалась цепь великая,
Порвалась и ударила
Одним конпом по барину,
Другим по мужику.

Существовала не только научная литература, пользовавшаяся в общем — за исключением невозможности касаться некоторых особенно шекотливых тем — сравнительно широкой свободой, но даже научно-популярная, где и русская история освещалась иначе, чем в наших учебниках. А главное, нам не пытались навязать представлений, которые и сколько-нибудь смелым подросткам должны казаться оскорбительно-нелепыми.

Если бы нам сказали, что грузины потому являются особенно замечательным народом, что они были в пре-

стие руки ГПУ в лозанском убийстве, увы, не может подлежать сомнению...

Жертва этого убийства, совершенного в Швейцарии, но подготовленного во Франции, «чехословацкий гражданин Герман Эбергард», оказался на самом деле Игнатием Райссом, долголетним агентом ГПУ и одним из его заграничных «резидентов», за «заслуги перед пролетарской революцией» награжденным еще в 1928 году орденом «Красного Знамени». Весною 1937 года, главным образом под влиянием московских процессов и расстрелов, в нем созрела решимость порвать со сталинизмом и примкнуть к троцкизму и «4-му Интернационалу». 17 июля этого года он написал соответствующее письмо в ЦК ВКП, опубликованное в голландской печати. С этого момента участь его была решена. По показанию арестованной в Лозанне парижской студентки Ренаты Штейнер, ею, при содействии проживавших в Париже и тоже арестованных фотографа Дюкомэ и некоего Смиренского и не разысканного еще Вадима Кондратьева и под руководством «Росси» (его подлинная фамилия — Шварценберг — выяснена следственными властями), была организована систематическая слежка за Райссом, приведшая в конце концов к его убийству в Лозанне. Здесь Райсс был заманен в западню некоей Гертрудой Шильдбах, его старой приятельницей и сослуживицей, которая прикинулась «сочувствующей» его новой ориентации и готовой и со своей стороны отряхнуть прах «сталинизма» со своих ног. Ей удалось уговорить Райсса совершить загородную прогулку в автомобиле с нею и ее «друзьями», одним из которых и был «Росси» Шварценберг. В автомобиле Райсс был расстрелян из ручного пулемета, труп его был выброшен на дорогу. Шильдбах и Шварценберг немедленно перешли французскую границу, но до сих пор остаются разысканными.

делах нынешнего государства первым народом, порабощенным чужим государством, то мы приняли бы это или за злую насмешку над грузинами или за издевательство над нами. А между тем в новом «Кратком курсе истории СССР», обязательном для всех школ и распространяемом в миллионах экземпляров, изложение русской истории начинается следующим образом:

«Самые древние государства в нашей стране возникли на юге Закавказья. Это было около 3000 лет назад. Первое государство Закавказья называлось Урарту в районе Арарата у Ванского озера. Его повелители властвовали над грузинскими племенами. У них было много рабов, которые строили им дворцы, рыли каналы для орошения царских полей и садов. Это было государство родоначальников нынешней Грузии».

Нам кажется, что всякий должен понять, что это не-лепо грубая лесть правящему страной «чудесному грузину». Но в Советской России, видимо, считают возможным достичь, чтобы этого не понимали. «Одобрено Всесоюзной Правительственной Комиссией», — значит, пока одобренных не расстреляли, надо все принимать всерьез и всему верить. И мы боимся, что на вопрос: неужели же действительно верят? — нельзя уже дать естественного для нас отрицательного ответа.

Один крупный большевик, стоявший несколько лет тому назад в оппозиции к Сталину, тогда уже пустил в оборот выражение: «Сталину нужны послушные дураки». Фабрикация «послушных дураков» стала с тех пор одной из основных задач школьного образования. Это не полемическое преувеличение. Притупление критического чувства, подавление всякой самостоятельности мышления сознательно доводится до такой степени, чтобы создавалась совершенно пассивная доверчивость, не

Если у кого-либо и могло возникнуть сомнение насчет «неизвестной» руки, расстрелявшей Райсса, сомнения эти должно было рассеять поведение и «Юманитэ», и ее вечернего бульварно-осведомительного подголоска «Се Суар», и коммунистических органов всех других стран: все они, как по команде, в течение нескольких дней замалчивали самый факт арестов, произведенных в связи с лозанским убийством, как и все данные, добытые следствием, с тем, чтобы потом, опять-таки по команде, ограничиться бессвязными и аляповатыми заметками, поливающими грязью «клеветников», но попрежнему тщательно скрывающими от читателей и биографию Райсса, и факт отправки им письма в ЦК ВКП, и «политическую» физиономию его убийц, и выясненные уже следствием подробности слежки за Райссом и убийства его. Яснее документировать свое смущение нельзя...

Приходится признать, что на этот раз все нити ведут совершенно недвусмысленно «в Москву». Приходится еще раз констатировать, что Сталин готов топтать ногами все самые элементарные интересы демократии, социализма, русской и испанской революций, советского и международного пролетариата и даже насущные государственные интересы Советского Союза, если это нужно для той расправы с «инакомыслящими», в которой он видит необходимое орудие для сохранения своего самовластия. Если это — «сумашествие», то надо признать, что в сумашествии этом есть «система»...

«Системой» этой, как само собою понятно, жадно пользуется в своих интересах вся французская и международная фашистская и фашизированная реакция. И надо смотреть на мир сквозь особые «троцкистские» очки, чтобы писать, якобы «мировая капиталистическая печать обошла молчанием убийство Игнатия Райсса», и даже пояснять своим читателям, что «в этом нет ниче-

умеющая отличать правды от лжи и правдоподобного от невероятного. С самого раннего детства интеллект должен быть превращен в лишенный всякого внутреннего сопротивления материал, из которого начальство может лепить все, что ему угодно. Удастся ли и в какой мере этого достигнуть, это вопрос другой, ответ на который должно будет дать будущее. Но таков идеал: создавать «новых людей», формировать новые поколения в точности по определенному образцу. Идеал этот существует с первых лет большевистской революции, но образец, по которому должны лепиться человеческие мозги, изменился очень существенно, и перемена эта имеет глубокое значение.

Упомянутый нами новый учебник русской истории «создан по инициативе и по непосредственным указаниям великого вождя народов, товарища Сталина» («Труд» от 29-го августа). Он «является подлинно сталинским подарком нашей детворе» («Правда» от 25-го августа). Постановление жюри, присудившего новому учебнику однако только вторую премию, «говорит о том, что на фронте исторической науки одержана немалая победа» («Правда» от 22-го августа). «Труд» заявляет, что эта книга (учебник для 3 и 4 классов!) «является ценным вкладом не только в учебную литературу нашей школы, но и в марксистскую науку и историю».

Трудно не писать сатиры! Трудно также представить себе большее презрение и к исторической науке и к марксизму. Но хуже всего то, что этот элементарный учебник, который по научности своей вряд-ли выше

го удивительного», ибо де «убийства Сталиным революционеров» буржуазию «радуют». Да, радуют. Лозанское убийство во всяком случае настолько обрадовало ее своею «своевременностью», что капиталистическая печать не только не замалчивает его, но делает все, чтобы этим убийством, да похищением генерала Миллера по возможности вытеснить со своих столбцов и «кагуляров», и налет на испанские подводные лодки, и даже тот взрыв на площади Этуаль, за который она ухватилась было с таким жаром, надеясь свалить его на «марксистскую» демагогию и тем взорвать Народный фронт. Да, реакционная буржуазия несомненно благодарна Сталину, но не совсем в том смысле, как изображает это «Бюллетень Оппозиции» (№ 58-59). «Белогвардеец» Миллер для нее в этом случае так же хорош, как «троцкист» Райс...

**

Государственный бандитизм сталинского ГПУ, имеющий свое особое происхождение и особый смысл, играет, как видим, в руку государственному бандитизму фашизма. Для фашизма-же этот бандитизм является не чем иным, как одним из методов подготовки войны, к которой он толкает человечество. Беспощадная борьба с государственным бандитизмом является поэтому не только требованием гуманности, демократии, социализма; она является необходимою составною частью борьбы за мир.

Надо признать, что демократическая государственность плохо вооружена для борьбы с «тоталитарным» разбоем, ставящим на службу бандитизму все средства и атрибуты государства, вплоть до дипломатической неприкосновенности территории посольств и консульств, их персонала и их перевозочных средств, и системой террора, «заложничества» семей и т. п. ограждающим

себя от «измены» исполнителей или от критики и разоблачений граждан своего собственного государства. Сами ничем несвязанные, «тоталитарные» бандиты пользуются для сокрытия совершаемых ими преступлений и охраны мобилизуемых ими преступников всеми теми правовыми и процессуальными нормами, которые неразлучны с демократическою государственностью, исключают аресты на основании одних подозрений, дают обвиняемому защитника с первых же шагов следствия, требуют неуклонного соблюдения существующих законов и обоснования всякого приговора твердыми доказательствами, гарантируют гласность и свободу общественной критики с трибуны парламента и собраний и со столбцов печати, предоставляя тем самым и бескорыстным или корыстным друзьям «тоталитарных» бандитов возможность выступать в их защиту и помогать им в заметании следов, вводить, всеми правдами и неправдами, в заблуждение общественное мнение, терроризировать полицейский и судебный персонал и даже политически шантажировать правительство. У всех еще в памяти, как даже в чисто уголовном «деле Стависского», все враги демократии сумели использовать ей во вред те правовые и процессуальные гарантии, которые она же им дает. Что-же говорить об уголовщине, за которой стоит «тоталитарное» государство со всеми его организационными возможностями и финансовой мощью!

Требовать отмены демократических гарантий значило бы требовать отмены самой демократии, т. е. превращения и демократических государств в тоталитарные диктатуры. Об этом, очевидно, речи быть не может. Дело идет, стало быть, лишь о том, чтобы в рамках этих гарантий довести до максимума интенсивность и успешность борьбы с государственным бандитизмом.

учебников Иловайского, действительно сыграет роль образца для советской «марксистской исторической науки», потому что он воплощает в себе тот новый дух, которым должны быть пропитаны мозги управляемых Сталиным послушных дураков. Составленный под редакцией профессора Шестакова, учебник является не только продуктом подхалимства нескольких учителей (в числе которых фигурирует бывший в царское время добрым черносотенцем Тарасов), но и плодом целой кампании против господствовавших до сих пор у большевистских историков методов и тенденций. «Школа» Шестакова, как подлинно сталинская, должна сменить «анти-историческую, анти-большевистскую, ликвидаторскую традицию», созданную школой Покровского («Правда» от 22 августа).

Направленная против покойного Покровского и его школы критика является в известной степени обоснованной. Если о традиции Покровского говорится, что она «упраздняла историю, подменяя ее историей общественно-экономических формаций» (там же), то это, правда, преувеличено и выражено не очень грамотно, но все же зерно истины в себе заключает. При всей своей образованности и талантливости Покровский по самому складу своего ума был склонен к преувеличениям, к заостренным формулировкам и к парадоксам. К тому же он не был мужественным человеком и, стараясь приспособиться к веявшему на вершинах режима духу, иной раз усердствовал не по разуму. Но по сравнению с возглавляемыми Шестаковым черносотенцами он во всяком случае представляется духовным титаном. Его последователи написали изрядное количество глупостей и порой действительно злоупотребляли «относительностью исторической истины». Их можно обвинять

в том, что они «подменяя историю вульгарной исторической публицистикой... профанировали историю как науку» («Большевик», 193 г. № 3), но то, что пришло на смену, является еще более вульгарной публицистикой, и профанация науки не только не устраняется, но усиливается и ей предоставляется абсолютная монополия воздействия на подданных советского государства. Осуждение Покровского и его «школы» произошло не по соображениям научной методологии, а потому, что изменилось содержание той политики, для проведения которой предназначается в Советской России преподавание истории. Дело именно, как мы уже сказали, в новой исторической политике.

Коренным образом изменилось отношение к историческому прошлому России и к тому, как это прошлое должно освещаться в школьном преподавании. Прежнее направление можно охарактеризовать как революционно-просветительное. Школе ставилась революционная задача формировать новых людей, освобожденных от всякой связи с историческим прошлым, связанных только с традицией революционного движения, интернационалистов, связанных со своей страной только как с «социалистическим отечеством». Линия этой первоначальной концепции задач школы началось уже давно, постепенно развивался национализм, но он продолжал ориентироваться по новой России, а не по всей совокупности ее прошлого. Отношение к этому прошлому было в первую очередь полемическим, что вполне соответствовало революционно-просветительной традиции. В своих статьях о русской истории в английской газете «Фри пресс» Карл Маркс писал в 1857 г.: «Не в славном варварстве норманской эпохи, а в кровавом болоте монгольского раб-

ТОВАРИЩ, ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ!

Для выполнения этой задачи самозащита демократии необходимо должна идти по двум направлениям.

С одной стороны, тому внесению смуты в умы, которое сознательно практикуют «тоталитарные» бандиты, их пособники и укрыватели, должна быть противопоставлена мужественная политическая ясность демократии. Гестапо должно называться Гестапо, Овра Оврой, и на сталинскую диктатуру ложится вся ответственность за то, что в ряде случаев и ГПУ придется называть ГПУ. Анонимату «неизвестных» вдохновителей бандитизма должен быть положен конец. Не надо давать запугивать себя тем, что такое название вещей и учреждений их подлинными именами грозит опасностью внешних осложнений. Одним из немногих счастливых следствий той распоясанности, которая внесена в столь чинные когда-то дипломатические ритуалы всякими фюрерами и дуче, является именно то, что за словом теперь не гонятся и за какую-нибудь оскорбительную «Эмскую депешу» войны не объявляют. Наоборот, имеются все основания полагать, что спокойная и откровенная твердость и в этом случае заставит сухопутных бандитов так же «сократиться», как заставили сократиться морских пиратов первые-же признаки твердости, проявленные в Нионе. Перефразируя слова Сийэса, можно сказать, что «тоталитарные» бандиты только потому и кажутся «великими», что демократия стоит на коленях...

Другое направление, в котором вынуждена идти самозащита демократии, сводится к созданию — в общих

рамках демократической законности — тех чрезвычайных законов, которые настоятельно требуются чрезвычайными обстоятельствами. Правительство Блюма создало два таких закона: закон о «парамилитарных» лигах, который сенат изуродовал и в значительной мере лишил действенной силы, и закон о печати, который сенат похоронил. Правительство Шотана направило свое внимание в другую сторону и проектирует создать новое «положение об иностранцах» и усилить борьбу с иностранцами «нежелательными».

К вопросу о регулировании положения политической эмиграции в связи с борьбой против государственного бандитизма мы вернемся в самом близком будущем. Сейчас отметим только, что с точки зрения этой борьбы имеет значение не столько эмиграция из «тоталитарных» стран, сколько те «иностранцы», которым их «тоталитарные» правительства предоставляют все средства и возможности принять «желательный» вид и которые, пожалуй, не прочь будут использовать поднятый их собственным бандитизмом шум именно для того, чтобы прекратить и парализовать ту политическую работу эмиграции, которая этому бандитизму стоит перек дороги.

Но об этом, как сказано, в другой раз. Теперь ограничимся констатацией того факта, что борьба с государственным бандитизмом поставлена в порядок дня. Интересы демократии, социализма и мира одинаково требуют того, чтобы эта борьба была направлена против самого источника бандитизма и доведена до «победного конца».

ства приходится искать колыбель Московии. А современная Россия, ведь, только метаморфоза бывшей Московии» или: «Москва выросла и развивалась в отвратительной и гнусной школе монгольского рабства. Своего могущества она достигла только потому, что, будучи сама рабой, стала виртуозом в искусстве порабощения». В составленном под редакцией Шестакова учебнике в введении говорится: «Мы любим нашу родину и мы должны хорошо знать ее замечательную историю»...

Мы не считаем оценку исторического развития России, данную Марксом в названных статьях, вполне правильной, с другой стороны, мы тоже любим нашу родину и во всяком случае считаем, что полезно хорошо знать историю своей страны. И тем не менее от сталинско-шестаковского «понимания» истории нас отделяет бездна — та же бездна, которая отделяет демократический интернационализм, несколько не исключаящий любви к своей стране, от квасного патриотизма и желания показать «необходимость самовластия и прелести кнута».

Конечно, и в шестаковском учебнике сочувственно рассказывается о различных восстаниях; конечно, указываются и темные стороны в деятельности великих создателей всероссийского «многонационального» государства: Ивана Калиты, Ивана III, Ивана Грозного, Петра Великого. Но история излагается так, что эти князья и цари должны остаться в воображении школьников как ряд предшественников Иосифа Сталина, из которых ни один, понятно, не достигал совершенства великого завершителя.

В особенности поражает в этом отношении глава об

Иване Грозном. Можно ли сомневаться, что и школьники будут думать о современности, читая:

«После первых поражений в войне Иван раскрыл измену крупных бояр-вотчинников. Эти изменники переходили на службу к полякам и литовцам. Царь Иван ненавидел бояр, сидевших в своих вотчинах как маленькие царьки и старавшихся ограничить его самодержавную власть. Иван IV начал ссылать и казнить богатых и сильных бояр» и т. д.,

и дальше:

«Таким путем укреплял Иван Грозный самодержавную власть в русском царстве, уничтожая боярские преимущества».

а в заключение:

«Владения России при Иване IV расширились во много раз. Его царство стало одним из крупнейших государств в мире. Не все было хорошо у Ивана Грозного, но в этом были виноваты бояре».

«Ребенком Иван рос среди самовластных боюар, оскорблявших его и развивавших в нем все дурные черты».

«Какое счастье, что Иосифа Сталина воспитывали не бояре!»

Различие между Покровским и сталинской «школой» может быть показано особенно отчетливо на одном примере. Покровский вовсе не избегал конкретных фактов и не замалчивал исторических личностей. Но он делал другой выбор и выделял другие стороны. В своей «Русской Истории» (том I, 1920 г.) он говорит и об Александре Невском, приводя исторические подробности и цитируя летопись. Но интересуют его прежде всего классовые противоречия новгородского общества. Он рассказывает, как «подавляющее большинство новгородцев с посадником Онаньем во главе твердо решило не уступать Александру Ярославичу». По рассказу летописца за посадником стояли «меньшие» люди, т. е.

С. Ш.

„Вредительская“ перепись

Сколько мы читали прямо восторженных сообщений о блестящем успехе всесоюзной переписи населения 6-го января с. г.: о превосходной ее подготовке, об энтузиазме миллионной армии счетчиков, о горячих симпатиях, с которыми счетчиков встречало население, об отличной организации механизированной разработки материалов переписи. И вдруг оказывается, что «перепись была проведена с грубейшим нарушением элементарных основ статистической науки», что «материалы переписи дефектны» и что вся гигантская работа пропала даром. В виде слабого утешения нам обещают новую перепись — в 1939 году.

«Грубейшее нарушение элементарных основ статистической науки!» Что это за таинственное «нарушение»? Почему так не-«конкретно»? И что это за сакраментальные «элементарные основы», нарушение которых опорачивает всю перепись? Нет, если уж замечать следы, то делать это следовало хоть не так глупо. Ведь кто не знает, что учение о производстве переписи является одним из старейших, простейших, наилучше разработанных и наиболее бесспорных отделов статистической науки. И в истории переписей всех стран не было случая, чтобы произведенная уже перепись потом полностью аннулировалась.

От официального сообщения о причинах уничтожения материалов переписи за версту несет казенным враньем. Но перепись-то все же уничтожена. В чем же дело?

Нет, не в технической «дефектности» материалов переписи, а в политической

низшие и средние классы, а «вятьшие», т. е. аристократия, хотели посредством интриги выдать власть Александру. Дело кончилось компромиссом: Александр сел князем в Новгороде, но посадника Онанья, как Александр того требовал, ему головой не выдали. Покровский делает отсюда вывод о необходимости значительно ограничить распространенное мнение о якобы исключительно аристократическом строе Новгорода. От школьного учебника, хотя бы и объявленного «вкладом в историческую науку», таких подробностей требовать нельзя. Но характерно, что Александр Невский упоминается — и восхваляется — в учебнике только как победитель внешних врагов:

«До самой границы своих земель Александр Невский преследовал врага. Так новгородцы решительно отразили врага и отстояли свою землю от немецких насильников».

О том, что новгородцы отстаивали себя и против «наильника» Александра Невского, ни слова.

Мы коснулись пункта, имеющего основное значение. По учебнику, русский народ всегда всех «бил» и завоевывал. «Русский народ привык бить немцев», пишет «Правда» в вдохновленной новым учебником статье о Ледовом побоище. Если сражения и войны проигрывались, то это всегда было следствием измены. Так было, как мы видели, при Иване Грозном. По той же причине была проиграна Россия и Великая война:

«Огромная армия солдат не спасла Россию от поражения. Этому поражению содействовали сами русские министры и генералы. Вместе с русской царицей они выдавали немцам военные тайны. Истекающая кровью, гибнущая от газовых атак, замерзающая в окопах царская армия, преданная своими генералами, вынуждена была отступить».

На всю русскую историю переносится своеобразное издание немецкой легенды о «ноже в спину армии», ко-

«дефектности» ее результатов — конечно, с точки зрения сталинской диктатуры — нужно искать разрешения этой странной загадки».

Что же могло так встревожить кремлевские верхи, что всю перепись пришлось объявить «дефектной»? — Это, конечно, не результаты опроса о грамотности или родном языке, о национальности или религии, о профессии или принадлежности к той или иной социальной группе и т. п. По каждому из этих частных вопросов можно было бы объявить материалы «дефектными» (а по некоторым из них они могли бы и действительно не поддаваться разработке), не уничтожая переписи в целом. Тягостное решение о признании переписи как бы не бывшей могло быть принято лишь в одном случае: если результаты переписи оказались неожиданными и неблагоприятными по основному вопросу, без ответа на который не может быть вообще переписи. Это вопрос о числе населения.

По последней всеобщей переписи, произведенной 17-го декабря 1926 года, население СССР достигало 147 миллионов. В это время еще производился систематический учет рождаемости и смертности, позволявший исчислить естественный прирост населения приблизительно в 2% в год. В официальных статистических сборниках соответственно сообщались не раз и с численные данные о количестве населения в СССР

на 1-ое января 1929 года	154.287.700
и на 1-ое января 1933 года	165.748.400

К началу 1937 г. население СССР должно было соответственно возрасти приблизительно до 177-177½ миллионов. Отставание от этого числа на 1-2, если много, на 3-4 миллиона еще можно было бы объяснить естественным замедлением прироста населения. Но если бы обнаружилась значительно большая разница между ис-

торым так много и так успешно пользовались немецкие националисты. «Привыкший бить немцев» русский народ был побит немцами вследствие измены. Справедливость требует однако отметить, что в шовинизме сам учебник остается еще сравнительно умеренным: вдохновленные им статьи в советской печати его далеко в этом отношении перешагивали.

Сталинское преподавание истории должно внушать, во-первых, веру в непобедимость русского народа, во-вторых, убеждение, что опасность для победы составляет только измена. Это нужно не только для воспитания воинских доблестей. Догмат непобедимости играет большую роль в известных идеологиях. Наполеон Бонапарт был силен ореолом победоносности, которым он окружил себя и французскую армию, что в свое время соответствовало действительности. Муссолини заставил фальсифицировать историю, изображая Италию, как главную победительницу в Великой войне. Гитлеровцы используют легенду о внутренней измене, погубившей в той же Великой войне победоносную Германию. В новом учебнике гражданская война в России изображается как, в первую очередь, война против внешних врагов:

«Буржуазия Антанты решила уничтожить Советы в России. Она послала свои войска на север России, в Сибирь, Среднюю Азию, Кавказ, Украину. Антанта организовала армии и походы контр-революционных русских генералов на Москву. В Сибири в 1918 г. Антанта объявила царского генерала Колчака верховным правителем России».

И в наиболее критический момент появляется, как победитель, Сталин...

Не забыты в учебнике и «изменники» последних де-

численным и действительным количеством населения, это, конечно, свидетельствовало бы о каком-то скрытом внутреннем пороке сталинского «социализма».

Так оно и было. Счастливым случаем позволяет нам определить размеры этой разницы.

Близятся выборы в Верховный Совет. Количество подлежащих избранию депутатов Совета Союза (1-ой палаты Верховного Совета) определяется, как известно, из расчета: 1 депутат на 300.000 наличного ко времени выборов населения. Если бы перепись обнаружила в стране (6-го января 1937 г.) население в 177-177½ миллионов, то ко времени выборов население должно было бы возрасти до 179½-180 миллионов. Но в кремлевских канцеляриях сейчас уже знают, что это число далеко не отвечает действительности. Вышинский — а ему, конечно, доступны все материалы — в обширной статье об избирательном законе, опубликованной в «Труде» по случайному совпадению как раз на следующий день после сообщения об аннулировании переписи, неосторожно обмолвился, какое число населения будет положено в основу исчисления количества депутатов Совета Союза: 170 миллионов. Это значит, что перепись обнаружила громадную разницу между исчисленным и действительно имеющимся населением: недостача достигает приблизительно 9-10 миллионов.

Чем вызвано такое резкое замедление прироста населения — к тому же при чрезвычайно благоприятной для естественного прироста возрастной структуре населения, — можно пока только догадываться. Вероятно, тут сказались последствия и жестокостей насильственной коллективизации 1930 и 1931 гг., и голода 1932 года, и общего обострения нужды и лишений огромного большинства трудящегося населения в годы первой пятилетки (отсюда, вероятно, резкое увеличе-

ние смертности). Обо всем этом вновь напомнило бы опубликование результатов переписи, а при анализе данных переписи по отдельным республикам и областям мы, может быть, и еще о многом могли бы узнать.

Нет, Сталин прав: если термометр упал в «троцкизм» и «вредительски» показывает ненадлежащую температуру, лучше всего разбить термометр.

В. АЛ.

Стахановцы деревни

Теоретически рассуждая, в колхозной деревне можно было ожидать быстрого развития стахановского движения: механизация сельского хозяйства сразу же выдвигала проблемы рационализации, взбудораженная, потрясенная до самых основ деревня — богата активной и энергичной молодежью, стремящейся выйти в люди. Земельные органы, получив директиву центра «всемерно развивать стахановское движение», со своей стороны не скупилась на первых порах на рекламу, поощрение и т. д. Все, казалось, предвещало успех. Между тем, одним из самых знаменательных фактов, проливающих свет на обстановку в колхозной деревне, является неудача, чтобы не сказать больше, стахановского движения, которую сегодня не скрывает уже и официальная печать. Конечно, в городе, в с.-х. академии учится Мария Демченко, знаменитая «пятисотенница», имеются и еще десятки, а то и сотни знатных стахановцев, откомандированные за свою выдающуюся работу в высшие учебные заведения, но нет стахановского движения.

С самого начала стахановцы возбудили к себе настоящее, местами плохо-скрываемое враждебное отно-

сятилетий. Новая историческая политика должна оправдывать проводимое Сталиным искоренение «изменников». Фальсификация истории доходит здесь до не поддающихся воображению пределов. Вся подготовка революции и ее победа были делом Ленина и Сталина, а Троцкий всегда мешал и предавал. До 1905 г. «вместе с Лениным руководил борьбой за победу революции Сталин, работавший в Закавказье». В декабре 1905 г. «меньшевики во главе с Троцким, заседавшие в Петербургском совете, выступали против поддержки вооруженного восстания в Москве». «О том, что Троцкий и первый состав Петербургского совета были арестованы до московского восстания, конечно умалчивается. Читателю подносится прямая ложь. О роли Троцкого в октябрьской революции сказано: «В самые решающие дни подготовки восстания Каменев и Зиновьев намеренно, а Троцкий по своей хвастливой болтливости выдали буржуазии планы и сроки восстания». Чем Троцкий хвастался, если он ни в чем не принимал участия, остается неизвестным. «С первых же дней победы... Ленин и Сталин приступили к организации Советского государства». Во время переговоров о мире, Троцкий сорвал их, «явным образом играя на руку немцам и провоцируя их на новое наступление». Потерями советских земель «наша страна была обязана предателю Троцкому и его сподручному Бухарину, который всячески старался сорвать заключение Брестского мира». Вот она измена! О том, что Троцкий во все время гражданской войны был Народным комиссаром по военным делам, в учебнике, конечно, не говорится. Дети об этом не знают, а взрослые рассказывать не смеют: чего же стесняться? Но всех примеров лжи не перечислишь, да и ложь эта уже не новая. Новый учебник истории отличается лишь

тем, что всю эту ложь «органически» вводит в общую концепцию русской истории.

Нам ясно теперь, в чем состоит то, что мы назвали новой исторической политикой. Она имеет, во-первых, общую задачу содействовать посредством соответственного преподавания истории превращению юных мозгов в глину, из которой власть может лепить все, что ей угодно. «В противоположность прежнему революционному просветительству с его порой чрезмерно отрицательным отношением к прошлому, она стремится возвеличить дело «строителей» российского государства. Несмотря на все оговорки и некоторые резкие замечания о царизме, вся «новая» концепция должна вызывать представление о благодетельном значении самовластия. Концепция эта служит созданию идеологии избранного победоносного народа и, несмотря на доброжелательные замечания о разных других народах, «избранником» является народ русский, оплодотворяемый на истоках и при завершении его славной истории представителями особенно одаренного грузинского народа.

Идеология победоносного народа нужна, во-первых, для развития воинских доблестей, а, во-вторых, для усиления авторитета «вождя народов», воплощающего в себе ныне эту победоносность Российского государства. Введение в эту концепцию постоянных указаний на измену должно служить оправданием теперешнего сталинского террора, официально обосновываемого борьбой против измены. Характерным для новейшего шовинизма является, наконец, то, что другие народы фигурируют почти исключительно, как внешние враги, «насилыники», «захватчики», подстрекатели к измене. Такова теперешняя официальная идеология и таков сталинский вклад в историческую науку.

шение со стороны колхозной массы, которая третирует и третировает их еще и сейчас, как «высочек», добивающихся расположения начальства и всяческих благ. Кое-где недоброжелательное отношение выразилось в ряде действий, направленных к тому, чтобы «подставить стахановцу ножку», помешать ему выгнать высокие нормы. Были случаи и убийства стахановцев. Политика власти в отношении стахановцев только углубляла эти недружелюбные чувства. Дело, конечно, не только в исключительных заработках, премиях, в патефонах, велосипедах и т. д., которыми награждаются колхозники-ударники. Колхозная масса явно опасается, — и в современной обстановке небезосновательно, — что искусственно вздуваемые стахановцами нормы будут, в конце концов, принудительно навязываться всему колхозу, отягчая его государственную барщину, и потому настраивается решительно враждебно ко всевозможным «к о с в е н н ы м л ю д я м», как промеж себя называет она всяких коммунистических дядек и опекунов.

Враждебное отношение колхозной массы к стахановщине в последнее время, повидимому, заставляет и представителей власти на местах менять свое отношение к ней. Конечно, не следует идеализировать местное руководство. Сдержанное отношение его к стахановщине вызывается, вероятно, нередко тем, что накладные расходы и убытки от стахановских рекордов в виде быстрого изнашивания машин играют здесь не последнюю роль. Но надо все же думать, что решающее значение имеет все же давление окружающей крестьянской среды на тесно соприкасающиеся с нею звенья советского аппарата. Присмотримся к фактам.

На усадьбе Алексиковской МТС Сталинградской области живет комбайнер стахановец Кумсков. Он занимается «обширную, хорошо обставленную квартиру. У него мотоцикл, велосипед, патефон, библиотечка. Член партии, орденосеиц-стахановец Кумсков одна из наиболее знатных фигур в этой местности», — живописует бытие Кумскова «Социалистическое Земледелие» (от 16-го сентября), тут же добавляя, что высоких производственных показателей Кумсков добился «вопреки козням врага». «Врагами» Кумскова оказываются «директор Алексиковской МТС и его заместитель по политической части Васильевский». К числу врагов относится и председатель колхоза, член партии Кандауров, не останавливающийся перед распространением «самых нелепых слухов о знатном комбайнере».

Еще более выпукло встают взаимоотношения стахановцев с остальной деревней и местным начальством в случае с знатным комбайнером Костей Бориным в Штейнгардтовском районе Азово-Черноморской области («Правда» от 18-го августа). За свои успехи комбайнер Борин выдвинут на учебу. Но, «не желая порывать связи с массами», он приезжает на лето на работу в МТС. В начале лета газеты поместили обращение Борина к комбайнерам с приглашением соревноваться на лучшую уборку урожая. Не тут-то было. Борин скоро натолкнулся на сопротивление «вражеского охвостья», которое опять-таки отыскалось поблизости и олицетворялось директором Штейнгардтовской МТС и другими ответственными политическими руководителями. По свидетельству Борина, руководство «всячески пыталось сорвать работу агрегата». Дело дошло до суда. 26-го августа выездная сессия вынесла приговор. Все ответственные работники Штейнгардтовской МТС приговорены ко многим годам заключения, а директор получил даже 10 лет заключения. Всему руководству вменяется в вину саботаж стахановского движения, умышленная подготовка аварии комбайна Борина, которой имелось в виду «дискредитировать орденосеица» («Труд», 28-го августа).

21-го сентября «Правда» опубликовала письмо комбайнера-орденосеица Оськина из Илекской МТС Оренбургской области. Уже заголовок письма — «Я мог бы убраться больше...» — не предвещал ничего хорошего. Знатный комбайнер, участник кремлевского совещания передовых комбайнеров, ныне учащийся в Тимирязевской сельскохозяйственной академии, он жалуется в своем письме на препятствия, которые чинят ему руководители МТС. Приехав на летние работы, он застал все машины в негодном состоянии, а тракторы — «вредительски отремонтированными». Пожаловался директору МТС, механику. Но те в ответ «как-то криво улыбаются, намекают на то, что, дескать, с хорошими машинами немудрено рекорды ставить». И вот эти «бухаринско-троцкистские вредители во главе с директором Алейниковым» решили «сорвать работу моего агрегата, дискредитировать меня, как орденосеица». Они дали негодные машины, расхищали части и инструменты. Ходил Оськин жаловаться в райком, да не помогло — секретарь райкома Алексеев «прикрывал вражеские действия гнусной шайки». За письмом Оськина жирным шрифтом следует послесловие в виде сообщения Оренбургского корреспондента «Правды»: 18-го сентября «ставленник бывшего директора Илекской МТС Алейникова Китов направил гусеничные тракторы на спавших в поле работников комбайнового агрегата Оськина. Задавлен на смерть лучший штурвальщик т. Садыков. Комбайнер Оськин и бригадир-полевод едва спаслись от смерти».

Приведенные примеры, конечно, наиболее яркие, но жалобами на то, что не только анонимное и отсталое «кулацкое охвостье» вредит стахановцам, но активную роль в саботаже играет местное руководство от директоров МТС, председателей колхозов и до секретарей райкомов — очень часты. «Не долюбивают почему-то стахановцев» правления колхозов, руководители МТС и прочее начальство, — жалуются из самых различных областей Союза корреспонденты газет.

Эти жалобы вовсе не платоничны. Из обзора печати «Правды» от 19-го сентября, разоблачающего редактора ряда провинциальных газет И. Бойцова за «подхалимство и примиренчество», мимоходом узнаем о судьбе двух прогремевших в свое время секретарей обкомов — Восточно-Сибирского Разумове и Азово-Черноморского Шеболдаеве, ныне разоблаченных в качестве «врагов народа». Имена обоих секретарей прочно связаны с первыми успехами сельского хозяйства в колхозах. Статьи их об укреплении колхозов и успехах коллективизации в 1933 и 1934 гг. помещались в «Правде», цитировались всеми земельными работниками, как руководящие. И вдруг оказывается, что оба секретаря, и особенно секретарь орденосеиной Азово-Черноморской области, в решающие переломные годы колхозной жизни на деле вели «вредительскую, подрывную работу троцкистско-бухаринских шпионов». Расхваливая их, горе-редактор Бойцов «содействовал вредителям, засевшим в краевом земельном управлении». Последнее преступление Бойцова заключалось в том, что в Ростовской газете «Молот» он поместил статью, расхваливавшую руководителей Штейнгардтовского района. Район этот, кстати сказать, всегда расхваливался и «Правдой», как образцовый. А оказывается, в нем то и сидели «враги, травившие стахановцев социалистического сельского хозяйства».

Под флагом защиты «стахановцев» от «разложившегося» руководства на самом деле идет расправа с кадрами партийного земельного аппарата, выдвинувшегося в переломные для коллективизации годы и в рамках существующего режима отстаивавшего необходимость ослабления государственной опеки над колхозным крестьянством.

П. ГАРВИ.

Необъявление войны и коллективная безопасность

С двух сторон поджигатели войны усиленно раздувают пламя нового мирового пожара — в западной части Средиземного моря и на Дальнем Востоке.

Нарушители мира лицемерно подчеркивают, правда, локальный характер своих военных операций. Дело идет будто бы лишь о том, чтобы восстановить «порядок» в соседних странах, помешать их «большевизации», установить с ними тесное «сотрудничество». Всеобщему миру угрожают-де не эти попечительные операции, а «вмешательство» группирующихся вокруг Лиги Наций держав в локальные дела.

На этой позиции не удержались, в конце концов, и сами авторы своеобразной теории локализации конфликтов в смысле беспрепятственного пожирания агрессорами своих жертв. «Карательная экспедиция» Японии в Китае была вскоре самой японской военщиной расшифрована, как новый шаг на пути к установлению японской гегемонии в Азии, а в перспективе и во всем бассейне Тихого океана. На пресловутом «свидании двух цезарей» в Берлине Муссолини, подчеркивавший когда-то, что «фашизм не является предметом экспорта», вызываясь возвестил, что «Европа будет фашистской». Это означает, что две фашистские державы сговорились на плане совместной гегемонии в Европе. Это означает, что Муссолини и Гитлер решили всасть на путь перманентной интервенции во внутренние дела всех европейских государств. Это означает, что отныне две ведущие фашистские державы будут раздувать во всех странах Европы пламя внутренних раздоров — до гражданской войны, чтобы сокрушить в них силы демократии и социализма и тем облегчить подчинение этих стран своему водительство. Перенесение в область международных отношений фашистских принципов иерархии и вождизма создаст не «здоровую почву для мира», как утверждают цезари от варварства, а лишь почву для кровавых столкновений.

В самом деле, если фашистская Италия «не может допустить советизации соседней Испании» (на самом деле — установления в ней демократического режима), хотя Италия вовсе не соседствует с Испанией, то логически отсюда вытекает борьба со всеми государствами, в которых существуют нефашистские режимы. Ибо Гитлер и Муссолини в своих последних заявлениях ясно дали понять, что острое их «идеологической» борьбы направлено не только против «коммунизма», но и против демократии.

Но и независимо от того, что сами нарушители мира вынуждены сойти с позиций локального характера их недвусмысленных агрессий, всеобщий мир оказался поколебленным в самых своих основах в силу действия Италии, Германии и Японии. Неделомость мира может еще отрицаться в теории, но на практике, в современной международной обстановке, она является повелевающей необходимостью, больше того — данностью, которую нельзя безнаказанно игнорировать в политике. Метод необъявленных войн в нарушение всех существующих договоров и правовых норм создает состояние всеобщей неуверенности, неустойчивости и анархии. Локальные агрессии нарушают существующее соотношение сил и тем самым вызывают почти рефлекторные реакции у всех заинтересованных стран — близких и дальних.

Наиболее ярким подтверждением этого является вы-

ступление Рузвельта в Чикаго. Как известно, Соед. Штаты своим «уходом из Европы», подалше от европейской склоки, рассчитывали уменьшить шансы быть вовлеченными в новую войну. На деле уход Соед. Штатов из Европы решительно ослабил фронт мира и косвенно привел к тому положению, когда продолжение политики изоляции и нейтралитета стало для Америки невозможным. Прорыв фронта мира в Испании развязал руки Японии в Китае. На этот раз необъятный «разворот» японской агрессии — от Пекина до Кантона — создал прямую угрозу позициям Соед. Штатов в Тихом океане — и вот Соед. Штаты поневоле возвращаются к активной внешней политике.

Морально-политическое значение выступления Рузвельта в обстановке международного маразма и обезволивающей резиньяции европейских демократий бесспорно велико. Глава английского правительства Невиль Чемберлен справедливо говорил на конгрессе консерваторов о «предостерегающей трубе», так кстати прозвучавшей с того берега Атлантического океана. Но только в библейской легенде крепостные стены падали ото трубного гласа. Весь мир с законным нетерпением ждет от Рузвельта конкретной и деловой программы борьбы с международной анархией. Участие американского «наблюдателя» в работах дальневосточного «комитета 23-х» при Лиге Наций и согласие Соед. Штатов на участие в предложенной Англией конференции девяти держав, подписавших Вашингтонское соглашение 1922 г., это первые признаки активизации внешней политики Соед. Штатов в духе коллективной безопасности. Но одна ласточка весны, увы, не делает...

Нарушители мира могут с презрением говорить о «пацифистской истерике старых дев» и о «ложных богах Женева», пока не разорвана роковая цепь безволия и бессилия: малые государства, в первую очередь угрожаемые воинствующим фашизмом, парализованы картиной колебаний ведущих демократических стран, Франции и Англии, Франция парализована оглядкой на Англию, Англия вынуждена оглядываться на свои доминионы и прежде всего на Соед. Штаты. Именно Соед. Штаты могли бы решительной активизацией своей внешней политики в духе коллективной безопасности и взаимной помощи существенно изменить весь «климат» международных отношений на благо «девяяти десятых человечества», которые, по словам Рузвельта, противостоят одной десятой нарушителей мира.

Но для этого недостаточно робкого «полуоборота» Соед. Штатов в сторону активной политики коллективной безопасности. Опыт с пактом Келлога о клеймении войны показал, что борьба с опасностью войны или, что то же, коллективная безопасность требует международной организации, способной организовать мир и действовать против агрессоров. Такой организацией в сложившихся условиях может быть только возрожденная, реформированная и укрепленная Лига Наций.

Инициатива создания Лиги Наций принадлежала, как известно, американскому президенту Вильсону. Отказавшись войти в Лигу Наций, Соед. Штаты убили свое собственное детище, точнее, сделали его хилым и нежизнеспособным. Выход из Лиги Наций Японии и Германии, равно как и бойкот Женева Италией обрекают Лигу Наций на жалкую роль регистратора международных преступлений и собственных неудач.

На последней сессии Лиги Наций много говорилось

о необходимости добиться универсализации Лиги Наций, т. е. вхождения в нее ее явных врагов, хотя бы ценой превращения Лиги Наций в декоративный совещательный орган. Советский делегат Литвинов вскрыл истинную подоплеку этой попытки довершить выхолащивание Женевского пакта урезкой формальных и реальных обязанностей Лиги Наций, как органа коллективной безопасности, под предлогом ее форсированной универсализации. Но одно можно утверждать с уверенностью: вхождение Соед. Штатов в Лигу Наций в значительной мере подняло бы ее престиж и могло бы принудить Японию, Германию и Италию вновь включиться в эту единственную сейчас данную, хоть и весьма несовершенную, организацию коллективной безопасности. Тем самым был бы разрешен не только вопрос об универсализации Лиги Наций, но и еще более острый вопрос о выполнении ею предусмотренных уставом функций по охране всеобщего мира и территориальной неприкосновенности всех ее членов.

Но можно ли рассчитывать на то, что Соед. Штаты исправят, наконец, свою историческую ошибку? Едва ли следует обольщать себя надеждой на это. В Соед. Штатах еще достаточно «изоляционистов» из крупно-капиталистических кругов, которые, учитывая опыт минувшей войны, полагают, что и на этот раз будет, пожалуй, выгоднее ввязаться в драку позже всех, чтобы выиграть больше всех. Но на этот раз можно ведь и просчитаться...

Последовательная политика коллективной безопасности упирается в Женевский пакт. Это доказывают самые неудачи Лиги Наций и особенно попытки обойти Лигу Наций или обойтись без Лиги Наций. Лондонский комитет о невмешательстве был формой обхода Лиги Наций, чтобы добиться сотрудничества с Германией и Италией, т. е. с агрессорами. Финал этого опыта, — воистину «финал среди дыма и развалин!» — всем известен. Нионское соглашение о борьбе с пиратством на Средиземном море обещало более реальные результаты: оно было заключено без участия агрессоров. Но после короткого перерыва акты пиратства возобновились. Попытка Англии и Франции, опираясь на достигнутое в Париже соглашение английских, французских и итальянских морских экспертов, добиться согласия Италии на участие в конференции трех держав для разрешения острой проблемы об уходе «добровольцев» из Испании, хотя бы ценой признания за обеими сторонами, т. е. за Валенсией и Бургосом, прав воюющих сторон, окончилась полным фиаско. Италия отказалась участвовать в такой конференции без Германии, иными словами, — она пытается вернуть англо-французскую политику к «пакту четырех», смысл которого в обходе Лиги Наций и в исключении Советской России из концерта великих европейских держав.

Пока ведущие державы Лиги Наций будут попрежнему пытаться «реальную политику» делать вне Лиги Наций, последняя будет обречена на сугубое бессилие. Это сказалось на недавней сентябрьской сессии Лиги Наций. Не по собственной инициативе, как то следовало ожидать по букве и по духу Женевского пакта, а только по инициативе и по настоянию правительств подвергшихся нападению Испании и Китая, вопрос о вопиющих нарушениях международного права, принявших форму необъявленных войн, был поставлен в порядок дня. И если бы не ободряющее участие в дальневосточной комиссии Лиги Наций американского «наблюдателя» и не чикагская речь Рузвельта, то едва ли общее собрание и Совет Лиги Наций проявили бы даже ту скромную долю активности, которая так еще далека от властных требований момента, — воистину, г р о з н о г о момента.

Злополучный параграф устава Лиги Наций о единогласии при принятии решений привел к тому, что компромиссная резолюция по испанскому вопросу, выработанная политической комиссией, не была принята, — несмотря на то, что делегаты республиканской Испании пошли на максимальные уступки в своих требованиях, сведя их к двум: увод иностранных войск и восстановление права закупки военного снаряжения за границей. Португалия и Албания, следуя диктовке итало-германского блока, голосовали против крайне умеренного проекта резолюции — и тем сорвали ее принятие.

Но остается фактом немалого политического значения, что большинство государств, участвовавших в общем собрании Лиги Наций, голосовало за резолюцию, которая признает факт иностранной интервенции в Испании, хотя и не называет имен интервентов, и в которой заявляется, что, если в непродолжительном времени нельзя будет положить конец вмешательству в испанские дела, то правительствам придется рассмотреть вопрос о прекращении системы невмешательства в ее нынешней форме.

Отрицательный ответ Италии на англо-французскую ноту о созыве «конференции трех» поставил вопрос о прекращении лондонской комедии и об открытии Францией ее сухопутной границы для волонтеров и для закупленного республиканским правительством Испании военного снаряжения. Не случайно Италия затягивала свой ответ, чтобы успеть перебросить в Испанию новые части и новое снаряжение для решительного удара по Мадриду — до открытия Францией границы. В эти дни решаются не только судьбы Испании, но и судьбы европейского мира.

Но в эти же дни решаются и судьбы всемирного мира. Общее собрание Лиги Наций единодушно — при воздержании Сиам и Польши (!) — одобрило резолюцию о японо-китайском конфликте, выработанную комиссией 23-х. Сессия Лиги Наций только прервана, — чтобы иметь возможность следить за развитием японо-китайского конфликта. Совет Лиги Наций постановил ассигновать известную сумму для организации медицинской помощи пострадавшему от военного нападения Японии китайскому населению. Несмотря на отказ Японии от участия в тихоокеанской конференции девяти стран, подписавших в 1922 году Вашингтонскую конвенцию, конференция, по видимому, все же состоится. Движение бойкота японских товаров растет в Англии, в доминионах и в Соед. Штатах. Спротивление, оказываемое объединившимся китайским народом, помешает Японии поставить тихоокеанскую конференцию и Лигу Наций перед «совершившимся фактом» новых захватов — опять-таки если Англия, подобно тому, как она поступила в испанском вопросе, не сорвет своими колебаниями и капитулянтством намечающегося коллективного воздействия на японского агрессора.

Именно поэтому огромное значение, как нам уже пришлось отметить в прошлом номере, имеет активизация английской Рабочей Партии и английских трэдиюнионов в вопросах внешней политики. Конференция Рабочей Партии в Борнмуте единогласно приняла резолюцию, выражающую негодование по поводу убийства беззащитного мирного китайского населения, осуждающую намеренные и неспровоцированные акты войны против Китая со стороны Японии и призывающую запретить английским гражданам продажу военных материалов и предоставление кредита Японии. Конференция потребовала созыва в ближайшее время английского парламента для обсуждения мероприятий по защите международного права с целью побудить правительство «к сотрудничеству с другими членами Лиги Наций и США в принятии мер экономического и финансового

давления на Японию, чтобы положить конец японской агрессии».

Рабочая Партия действует в полном согласии с РСИ и Амстердамским Интернационалом Профсоюзов, совместная делегация которых во время сессии Лиги Наций проводила в Женеве ту же линию организации коллективного отпора против нарушителей мира, в целях прекращения агрессии и предотвращения опасности превращения «необъявленных войн» в новый мировой пожар. Мобилизация мировой пролетарской общественности есть существеннейший фактор успешности этой политики мира.

ЗАГРАНИЦЕЙ

НЕЗАВИСИМОЕ ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ЕВРЕЙСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

В результате доклада английской Королевской Комиссии, выяснявшей причины арабского восстания 1936 г., английскому парламенту и мандатной комиссии Лиги Наций — независимое еврейское государство в Палестине стало, если еще не фактом, то весьма реальною возможностью.

Любопытно и характерно, что во **всех** партиях, начиная с фашистской Жаботинского (ревизионисты) и кончая Рабочей, образовались два течения: **за** и **против** предложения Королевской Комиссии. Но, если прислушаться к аргументации тех и других, как она выяснилась на только что закончившемся 20-ом сионистском конгрессе, разногласия между ними не так существенны, как можно было бы думать по ожесточенности полемики. **Противники** — отнюдь не против образования самостоятельного Еврейского Государства, они только не приемлют государства без Иерусалима (сионизм без Сиона!) и требуют **всей** Палестины с Заиорданьем, как обетовано богом и декларацией Бальфура. С аргументацией от бога спорить трудно, но в Бальфуровской декларации едва ли все сказано так определенно и ясно. С другой стороны, **защитники** тоже не согласны с границами, предложенными Королевской Комиссией, но они считают возможным уполномочить сионистскую Экзекутиву вести с английским правительством переговоры о границах будущего государства, в то время как противники, во главе с Ушыкинским, самые переговоры об этом считают предательством сионистских идеалов.

Представители Рабочей Партии, входящей в РСИ, тоже разошлись в своем отношении к предложению Королевской Комиссии (Бен-Гурион — за, Б. Каценельсон — против), но аргументация и за и против исходит только из идеалов сионизма, а не из интересов рабочего движения в Палестине. И это не удивительно, если иметь в виду характер палестинской Рабочей Партии.

Рабочая Партия, несомненно, очень хорошо организована. Когда я 16 лет тому назад приехал в Палестину, то была единственная организованная сила, и ей принадлежала, можно сказать, гегемония в стране. Сейчас, вместе с сильным ростом еврейского населения в Палестине, и ее численность возрасла, но удельный вес ее, несмотря на произошедшее за это время объединение двух фракций, уменьшился, так как возникли и другие организации и партии. Имеется общесионистская организация с правым консервативным и левым демократическим крыльями, клерикальная (мизрохи) и даже клерикально-рабочая партия, входящая в обще-профессиональную конфедерацию, ревизионистская (фашистская) и т. д. Но и сейчас Рабочая Партия, которой принадлежит руководящая роль в обще-профессиональном союзе рабочих (Гистадрут) неизмеримо сильнее каждой из этих организаций в отдельности.

Естественно, что сила Р. П. проявляется и в политической сфере. В городском самоуправлении Тель-Авива ей недостает всего 2-3 голоса до абсолютного большинства; одно время даже городским головой Тель-Авива был член Р. П. Дизенгоф, а сейчас во главе ряда отделов городского самоуправления стоят ее члены. Они же играют видную роль в общесионистском представительстве: председатель Еврейского Агентства Бен-Гурион, заведующий финансами Э. Каган и управляющий иностранными делами Черток — члены Р. П. Даже представителем еврейского населения Палестины на коронации Георга V был член Р. П. Бен-Цви.

Таким образом Р. П., этот палестинский отряд Социалистического Интернационала, играет большую роль в палестинской жизни. Но тщетно искать в ее деятельности элементов интернационализма, и, м. б., именно поэтому она и играет большую роль в обще-сионистском движении. Во всяком слу-

чае именно забвением интернационалистских обязанностей можно объяснить то изменение характера еврейско-арабских взаимоотношений, которое бросается в глаза при сравнении пережитых здесь мною арабских анти-еврейских восстаний 29 и 36 годов. В 29 году среди арабских рабочих было немало людей, враждебно относившихся к восстанию и даже активно помогавших еврейским рабочим. В 36 году ничего подобного не было. На лицо было сплошь объединенное арабское население, более или менее активно поддерживающее восстание, в лучшем случае — индифферентное.

Правда, объединение это создалось не без помощи иностранных сил (Германия и Италия). Но нет сомнения, что и Р. П. несет свою долю ответственности за создавшееся положение: она не старалась создавать новые или хотя бы поддерживать уже существующие арабские и еврейско-арабские рабочие организации; она не несла арабским рабочим проповеди социализма, общности интересов пролетариата; она не старалась или во всяком случае недостаточно старалась установить контакт с рабочими-арабами и выработать какие-либо нормы разделения труда между арабами и евреями (почва, на которой возникало немало конфликтов), ограничиваясь установкой у входа в еврейские плантации пикетов, не допускавших приема туда рабочих-арабов. Существовавшие в 29 году арабские и арабско-еврейские организации к 36 году развалились, пропасть между арабами и евреями углубилась. Ее безуспешно пытались засыпать отдельные лица и отдельные слабые группы; и, наоборот, очень удачно и успешно углубляли эту рознь, с одной стороны, националистические элементы, с другой — здешние коммунисты с их демагогической проповедью изгнания сионистов из Палестины. Ясно, почему аргументация лидеров Р. П. по вопросу об образовании еврейского государства совершенно обходит вопрос о том, как это образование отразится на рабочем движении в Палестине...

После длинного ряда лет, прожитых мною в Палестине, приходится констатировать, что сильная тяга еврейских масс в Палестину является фактом. Теперь приходится не зазывать евреев в Палестину, а, наоборот, ставить всякие преграды для сдерживания потока иммигрантов. И дело тут далеко не всегда в мистическом стремлении в «страну отцов». Если раньше представлялось сомнительным, чтобы могла возникнуть массовая тяга из культурных, обладающих твердым порядком стран в арабские малярийные пустыни, управляемые турецким султаном, то теперь положение изменилось. В Палестине хозяйничают, как ни как, англичане, а в своих культурных отечествах евреи поставлены лицом к лицу с расовым варварством Гитлера, с расправами Сталина, с польско-румынскими погромами... Не удивительно, что тяга в Палестину так заметно возрасла.

Но констатировать приходится и другое: то революционизирующее влияние, которое еврейская иммиграция оказывает на всю жизнь Палестины во всех отношениях: и в смысле хозяйственного строительства, и в смысле переворачивания всех устоев арабского быта. Совершенно права, по существу, английская писательница, дочь одного из членов Королевской Комиссии, с грустью описывающая, как шумная и деятельная еврейская иммиграция разрушает тишину и прелесть арабской пустыни и ниспровергает исконные патриархальные отношения между арабскими эфенди и феллахами, заражая последних идеями, далекими от патриархальной идиллии.

Этого достаточно, чтобы признать иммиграцию явлением прогрессивным. А образование независимого Еврейского Государства, естественно, ее усилит. Более того. Освобожденное от английской опеки, Еврейское Государство сможет лучше урегулировать ее сообразно своим потребностям и возможностям, ибо, как ни как, английское правительство и в этом вопросе руководится и не может не руководиться прежде всего своими соображениями.

Здесь приходится отметить одно обстоятельство, имеющее существенное значение. Основные интересы Англии в Палестине имеют, конечно, не экономический, а **политический** характер. Экономически небольшая, бедная Палестина не имеет для Великобритании существенного значения. Другое дело ее политическое значение, как области на побережье Средиземного моря по соседству с Суэцким каналом. Образование здесь дружественного Англии и идущего в ее политическом фарватере Еврейского Государства, которое, возможно, войдет, как доминион, в состав Британской Империи, имеет для Англии существенный интерес. И все же, пока Палестина находится под мандатным управлением Англии, экономическая политика последней идет путями, выработанными ее вековым колониальным опытом, т. е. путями экономического «использования» Палестины. Освобождение последней от английской опеки будет поэтому очень выгодно для страны. И в то же время, заинтересованная политически в развитии и укреплении Еврейского Государства, Англия будет заинтересована и в его экономическом процветании.

Это освобождение от чужой опеки придаст совершенно

ной характер всей внутренней жизни страны. Хозяйственное строительство станет более бурным и мощным и примет иную социальную окраску. Рабочие-иммигранты приезжают сюда с определенными идеалами и планами. Тут производится много интересных социальных опытов («квудот» и др.). Многие из этих опытов не выдержали экзамена жизни, но многие оказались жизнеспособными и подходящими для палестинских условий. Но понятно, что английская опека не могла оказывать им того внимания, какого они заслуживают и какое могут получить в независимом еврейском государстве. Образование такого государства будет полезно рабочему движению в Палестине и в том отношении, что оно облегчит выпрямление политики и тактики еврейской Рабочей Партии.

Р. П. имела и имеет перед собою ряд трудно разрешимых проблем, обусловленных, во-первых, тем, что евреи являются здесь меньшинством, во-вторых, громадной разницей в уровне жизни еврейских и арабских рабочих, и, в-третьих, обостренностью арабско-еврейских отношений.

Арабский феллах не нуждается в квартире современного типа, его потребность в одежде крайне скромна, питается он необыкновенно скудно, культурных потребностей почти не имеет. Поэтому его заработная плата неизмеримо ниже той, которая соответствует прожиточному минимуму еврейского рабочего. А в соседних нищих арабских странах и пустынях среди бедности имеется еще громадный резервуар рабочей силы, для которой даже заработная плата палестинских арабов является недостижимой мечтой.

В таких условиях Рабочей Партии только с напряжением всех сил удается удерживать заработную плату еврейских рабочих в пределах прожиточного минимума и доставлять им работу. О получении работы в арабских пардессах (апельсиновые плантации) и предприятиях не может быть и речи; борьба идет исключительно за работу у еврейских плантаторов и предпринимателей. Защита интересов организованных еврейских рабочих превращается таким образом для Р. П. в борьбу против неорганизованного арабского труда. Создание Еврейского Государства с еврейским большинством даст Р. П. возможность установить контакт с арабскими рабочими и вместо междоусобной борьбы за работу создать координированную и организованную защиту общих интересов. А выровняв в этом отношении свою политику, Р. П. сможет воздействовать и на соседние арабские страны (Египет, Сирия и др.), в смысле создания там братских рабочих партий, и стать таким образом застрельщиком организованного рабочего движения на всем Ближнем Востоке.

Наконец, образование Еврейского Государства выпрямит тактику Рабочей Партии и еще в одном отношении.

Как известно, английское правительство предложило в свое время создать в Палестине парламентское самоуправление. Рабочая Партия высказалась против этого предложения: она сочла его преждевременным, поскольку евреи составляют еще меньшинство населения страны. Создалось парадоксальное положение, при котором Р. П., демократическая по самому существу своему, высказалась, в противоречие со своими собственными принципами, против демократизации страны! С образованием независимого государства с еврейским большинством отпадет и это противоречие.

Возможно и даже вероятно, что при этом «выпрямлении» тактики кое-какие «попутчики» покинут Р. П., но зато в нее войдут те действительно социалистически и интернационально мыслящие и чувствующие элементы, которые до сих пор отталкивала от партии ее националистическая тактика. Партия окрепнет идеологически и станет действительно палестинским отрядом Социалистического Интернационала.

Виктор Мандельберг.

От редакции. Печатаю интересную статью старого друга РСДРП, т. В. Мандельберга; редакция рассчитывает развить свою точку зрения на затронутые им проблемы в одном из ближайших номеров «С. В.».

К ПОХИЩЕНИЮ ТОВА. МАРКА РЕЙНА.

Официальное сообщение Раб. Соц. Интернационала о таинственном исчезновении т. Марка Рейна в Барселоне было перепечатано во всей социалистической печати. Скандинавская печать, в особенности копенгагенский «Socialdemokraten» и столичный «Socialdemokraten» посвятили похищению Марка Рейна передовые статьи, заявляя, что дела, подобные делу Рейна, являются серьезной угрозой делу испанской освободительной борьбы. Все друзья демократии и свободы должны объединиться в борьбе против подобных бандитских актов. Те же газеты и лондонский «Daily Herald» печатают дополнительные данные о деле Марка Рейна, почерпнутые из беседы с отцом Рейна, тов. Р. Абрамовичем.

Постоянная Административная Комиссия (С.А.Р.) Французской соц. партии прислала тов. Р. Абрамовичу, за подписью

Генер. Секретаря тов. П. Форэ, письмо с единодушным выражением глубокого сочувствия по случаю трагического происшествия с его сыном и с пожеланием, чтобы сын вскоре вернулся живым и здоровым.

Статья, комментировавшая в прошлом номере «С. В.» сообщение Международного Бюллетеня РСИ о похищении тов. М. Рейна, напечатана в информационном порядке на французском, немецком и английском языках в рубрике «Документы и Дискуссии» названного Бюллетеня.

ПО РОССИИ

РАЗГРОМ НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИК ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

В течение многих лет коммунистическая печать не уставала повторять, что национальный вопрос блестяще разрешен в Советском Союзе, что в национальных республиках и национальных округах, образованных в СССР, создалась почва для свободного развития населения СССР многочисленных национальностей, что национальности эти «строят свою национальную культуру», создали свои собственные, национальные кадры и выделили даже целую фалангу национальных вождей и по советской и по партийной линии.

В последние месяцы и особенно в последние недели как раз эти национальные вожди взяты под бешеный обстрел. Один за другим они объявляются «буржуазными националистами», «врагами», «шпионами», «фашистскими агентами». Председатели ЦИК'ов, члены и председатели Совнаркомов, члены ЦК национальных компартий вплоть до секретарей ЦК — никто не гарантирован от самых чудовищных обвинений. Вчера еще «гациональный вождь», сегодня — «буржуазный националист» и «иностранный агент». Это уже не отдельные случаи, это массовое явление, какая-то страшная эпидемия, уничтожающая все на своем пути. Случаи разоблачения «буржуазных националистов» и «фашистских агентов» в среде руководителей высших партийных и советских органов национальных республик стали так часты, что советские граждане начинают привыкать к ним и, может быть, уже даже и не замечают, как из отдельных сообщений постепенно вырисовывается одна большая и трагическая картина, как количество переходит в качество.

«Социалистический Вестник» уже дважды за последнее время — в последний раз совсем недавно — поместил сводку важнейших сообщений о разгроме руководящих партийных и советских кадров в национальных республиках (см. № 12/13: «На партийных съездах и конференциях», и № 17/18: «Вражеские гнезда в национальных республиках»). В последнем обзоре были сгруппированы данные о разгроме партийной и советской верхушки по всем национальным союзным республикам, кроме Азербайджана и Казахстана, для которых в доступных нам органах печати еще не было соответственных сведений. Сейчас по Узбекистану, Таджикистану, Киргизистану и Армении, а также и по Казахстану, стало известно столько новых фактов, что стоит вернуться еще раз к этой теме.

В Узбекской ССР к длинной веренице повергнутых во прах советских и партийных сановников с председателем Совнаркома (и председателем ЦИК'а СССР), «разоблаченным теперь шпионом» Фейзуллою Ходжаевым во главе присоединился сейчас и 1-ый секретарь ЦК компартии Узбекистана Икрамов, «под непосредственным руководством» которого протекала вся работа «бандитов», стремившихся «оторвать Узбекистан от СССР и превратить его в колонию империалистов», конечно, на основе «восстановления буржуазного строя» («Правда» от 27-го сентября).

Та же картина в Таджикиской ССР: и здесь вслед за председателем Совнаркома (и председателем ЦИК'а ССР) «шпионом» Рахимбаевым и большой группой членов Совнаркома и ЦК компартии (включая и бывшего 1-го секретаря ЦК Шадунца) взяты сейчас в железную петлю только что (на августовском съезде компартии) избранные 1-ый и 2-ой секретари ЦК Ашуров и Фролов, 1-ый секретарь Комсомола Фазылов (его предшественник Герасимов уже прямо объявлен шпионом), зампред. ЦИК'а Бобогалафов, зампред. Совнаркома Максумов («Правда» от 21-го, 22-го и 24-го сентября). Они, правда, занимают пока еще свои посты, но дни их явно сочтены.

В Киргизской ССР председатель Совнаркома Исакеев и наркомзем Есегомагов объявлены «буржуазными националистами» и «выведены из состава бюро киргизского ЦК», т. е. конечно, сняты и с советских постов; секретарь ЦИК'а Айлычинов обвинен в том, что «превратил ЦИК Киргизии в приют контр-революционных националистов»; да и ЦК компартии «содействовал проникновению буржуазных националистов во все поры партийного и советского аппарата». Тучи

скопился и над новым Наркомземом (бывш. 2-ым секретарем ЦК) **Джиенбаевым** и над наркомсовхоза (бывш. управляющим делами ЦИК'а) **Булатовым** и над многими другими («Правда» от 13-го и 20-го сентября).

О неблагоприятии в **Казахской ССР** до сих пор в печать проникали только глухие слухи. Сейчас мы узнаем, что председатель казахского ЦИК'а **Кулумбетов** разоблачен органами Наркомвнудела (1) в качестве «буржуазного националиста — врага казахского народа», что «буржуазным националистом» оказался и заместитель председателя Совнаркома и член бюро ЦК компартии **Ескараев**; что когда Ескараеву пришлось плохо, он «нашел активную поддержку и «защиту» у 2-го секретаря ЦК компартии **Нурпеисова** («Правда» от 21-го сентября). Повидимому, разгром в Казахстане еще только начался.

В **Армянской ССР**, напротив, разгром в полном разгаре. О падении председателя армянского ЦИК'а **Анезголяна** сообщалось уже в прошлом нашем обзоре. Сейчас пал 1-ый секретарь ЦК армянской компартии **Аматуни**, возглавлявший ЦК со времени самоубийства (летом 1936 г.) Ханджяна и объявленный сейчас «беспринципным интриганом», «с давних пор предававшим интересы народа». Пал и 2-ой секретарь ЦК **Акопов**, «дашнавский агент» и друг «шпиона Шавердова», и председатель Совнаркома **Гулоян**, «бывший личный секретарь и оруженосец расстрелянного врага народа Каменева», и наркомзем **Гумедин**, «националист» и «один из самых зловещих врагов армянского народа» («Правда» от 28-го сентября).

Процесс истребления руководящих национальных коммунистических кадров еще далеко не завершен, но уже сейчас можно подвести некоторые итоги за последние 4-5 месяцев. Остановимся лишь на самом главном:

1. Из десяти национальных союзных республик*) в пяти (Белоруссия, Армения, Туркменистан, Таджикистан, Казахстан) председатели ЦИК'ов, т. е. по европейской терминологии **президенты республик**, объявлены «врагами», «буржуазными националистами», если не прямо «шпионами»; один из них — **Червяков** (Белоруссия) — доведен до самоубийства.

2. В семи национальных союзных республиках (Украина, Белоруссия — дважды, Грузия, Армения, Узбекистан, Таджикистан, Киргизия) та же судьба постигла председателей Совнаркомов, т. е. по европейской терминологии **премьер-министров**)**; двое из них — **Любченко** (Украина) и **Гололед** (Белоруссия) — доведены до самоубийства, один — **Магаловили** (Грузия) — расстрелян.

3. В 5 национальных союзных республиках (Украина, Белоруссия, Армения, Таджикистан, Узбекистан) кампания по искоренению «буржуазных националистов» и их пособников смела секретарей ЦК национальных компартий.

Приведенные выше и в нашем предыдущем обзоре данные относятся лишь к национальным **союзным** республикам; но от союзных не отстают и национальные **автономные** республики. Правда, в наших сведениях о них еще больше пробелов, чем в сведениях о союзных республиках, так как объявление «врагом народа» председателя автономной республики или даже секретаря обкома (в автономных республиках высшим партийным органом является не ЦК, а обком) часто отмечается лишь в местной, нам недоступной печати. Но даже и то, что стало широко известно, говорит о чрезвычайно широко развернувшейся кампании по уничтожению сложившихся национальных руководящих кадров.

Чтобы не слишком раздвигать рамки нашего обзора, остановимся лишь на важнейших фактах, о которых сообщалось в печати за последний месяц. Особенно много внимания «Правда» уделила в последние недели двум пограничным автономным республикам — **Карелии** на западе и **Бурят-Монголии** на востоке. Обстрел начался на западе. В **Карельской АССР** вдруг все оказалось неблагоприятным. «В Совнарком, Наркомпрос, Наркомфин, Госплане, горкоме и обкоме орудовала оголтелая банда шпионов, пытавшихся закабалить карельский народ и при помощи фашистской Германии вос-

становить в Карелии власть помещиков и капиталистов». Председатель ЦИК'а **Архипов** «собирал вокруг себя националистов, шпионов, содействовал их контр-революционной деятельности, всячески притеснял трудящихся карелов». Секретарь ЦИК'а **Хейкконен** «организовал группу буржуазных националистов и шпионов». Секретари обкома «шпион» **Иркили** и чуть ли не уголовный тип **Никольский** окружили себя в обкоме «кучкой предателей и изменников карельского народа». И т. д., и т. д. («Правда» от 9-го, 11-го, 14-го, 16-го сентября).

С несущественными вариациями та же тема разрабатывается и в отношении **Бурят-Монгольской АССР**. «Буржуазные националисты свили себе гнездо в советском и партийном аппарате Бурят-Монголии. Особенно возлюбили они идеологический фронт. Здесь вредительство было исключительно наглым... Заведомым контр-революционером - националистом поручили в Бурят-Монголии руководство Наркомпросом, Институтом культуры, союзом писателей, госиздатом... И в земельных органах распоясавшиеся буржуазные националисты изо всех сил вредили сельскому хозяйству, старались разорить колхозы. По заданию своих хозяев — японской разведки — националисты заражали колхозный и совхозный скот различными болезнями, направляли животноводство на путь развала. Кто же эти предатели? **Дампилон**, «японский шпион», занимал пост председателя ЦИК'а; рядом с ним секретарь ЦИК'а **Ванданов** «вредитель» и «националист», а после его разоблачения новый секретарь ЦИК'а **Ломожанов**, просто «японский шпион». Наркомфин **Базаров** и наркомторг **Балтуев** «вредительски развалили работу наркоматов, насаждали в аппарате диверсантов, связаны были с врагами». Заведующий отделом промышленности обкома **Верхудоуб** — «троцкист, японский шпион». Заведующий отделом партийной пропаганды обкома **Шаланов** «давал прямые директивы уничтожить в колхозе им. Сталина поголовье скота и эта директива была выполнена». И над всеми ими подымается и их покрывает 1-ый секретарь обкома **Ербанов** — «прямой пособник врагов-националистов», «укрыватель шпионов и вредителей» — и его усердный помощник, 2-ой секретарь обкома **Маркизов**, в течение двух лет успешно «вредительствовавший» в качестве наркомзема («Правда» от 7-го, 18-го и 22-го сентября).

Невольно мысль обращается к недавнему прошлому. Когда зимой 1935-36 г. прошла волна торжественных приемов в Кремле стахановцев, комбайнеров, животноводов, делегаций национальных республик и областей, прием Бурят-Монгольской делегации выделился впечатлением искренности, которой, судя по отчетам, дышали речи участников делегации, — и как-то особенно резко сказавшейся грубостью и наигранным добродушием Сталина. Последним из бурят-монголов говорил бесценно с 1920 г. руководивший бурят-монгольской партийной организацией **Ербанов**, который вспомнил между прочим, как в 1920 г. он приезжал в Москву и вел здесь переговоры со Сталиным, тогда наркомом, об образовании Бурят-Монгольской автономной области. Речь Ербанова заняла в «Правде» (от 30-го января 1936 г.) почти целую страницу (такой чести не удостоился ни один из участников многочисленных делегаций этого периода). Ербанов был награжден орденом Ленина. А сейчас Ербанов перешел в небытие, как и отец 6-тилетней Гели Маркизовой, поднесшей от лица делегации букет цветов Сталину. Фотографический снимок добродушно улыбающегося Сталина с маленькой Гелей на руках и стоящим рядом и тоже весело улыбающимся Ербановым был бесчисленное множество раз воспроизведен — да и сейчас часто появляется вновь — в коммунистической печати всего мира, в качестве наглядной иллюстрации отеческой любви, доброты и простоты великого вождя народов. Сейчас Ербанов и Маркизов узнали цену этой простоты.

Одновременно с пограничными Карелией и Бурят-Монголией репрессии обрушились на ряд кавказских, в сущности полу-пограничных автономных республик. В **Чечено-Ингушской АССР** в течение ряда лет царил чудовищный произвол; сталинские молодчики, «уверенные в своей безнаказанности, избивали население, расхищали государственное и колхозное добро, создавали дружины, которые производили массовые обыски, незаконно арестовывали колхозников» и т. д., и т. д. Сейчас все эти преступления ставятся за счет «буржуазных националистов» (по непростительному недосмотру на этот раз забыли о «троцкистско-фашистских шпионах»), которых всячески покрывали председатель исполкома (ЦИК'а) **Чечено-Ингушии Горчханов**, 2-ой секретарь обкома **Вахаев**, заведующий отделом агитации и пропаганды обкома **Окуев** («Правда» от 8-го сентября). — В **Дагестанской АССР** «буржуазные националисты вкупе с троцкистскими шпионами и диверсантами пробрались в руководящие партийные и советские органы. В течение ряда лет они предавали народы многонациональной республики, хотели вернуть власть князьям-помещикам и духовенству». Имя этим «матерым националистам» и их друзьям и укрывателям — легион; среди них — председатель Дагестанского ЦИК'а и член бюро обкома **Ма-**

*) РСФСР, как известно, по советской терминологии не считается национальной республикой, так как до недавнего времени «национальное» признавалось закономерным только у народов, находившихся в старой России в состоянии национального угнетения, и самая мысль о русско-национальном считалась контр-революционной.

) Пал, как известно, и председатель Совнаркома РСФСР **Сулимов, о чем впрочем советским гражданам так и не было прямо сообщено. О падении Сулимова они догадались лишь, когда был назначен его преемник, да еще когда Сулимовский район Черкесской автономной области был переименован в Ежово-Черкесский район («Правда» от 12-го августа). — РСФСР вообще очень не повезло с председателями Совнаркома: оказалось, что пост премьер-министра в РСФСР в течение 13 с половиной лет — со времени смерти Ленина и до падения Сулимова — занимали одни лишь «враги народа» (**Рыков**, **Сырцов**, **Сулимов**).

гомед Долгат и председатель Совнаркома и член бюро обкома Керим Мамедбеков («Правда» от 25-го сентября). — В Аджарской АССР дело дошло даже до судебного процесса: в создании «контр-революционной, шпионско-повстанческой, террористической, диверсионно-вредительской организации», поставившей себе целью «свержение советской власти, отторжение Аджарии от СССР и восстановление капиталистического строя путем вооруженного восстания», обвинялись не больше и не меньше, как председатель ЦИК'а Аджарской АССР Лордкиганидзе, бывший зампред ЦИК'а Аджарии, а в последнее время наркомлегпром Грузии Рамишвили, нарком земледелия Аджарии Мегрелидзе и др. («Заря Востока» от 26-го сентября). Московская телеграмма Гаваса сообщает, со ссылкой на «акинский Рабочий» от 30-го сентября, что 8 обвиняемых, в том числе и все названные выше, уже расстреляны. — Двумя днями позже тот же московский корреспондент Гаваса сообщил, со ссылкой на «Социалистическую Осетию» от 2-го октября, о разгроме верхушки Северо-Осетинской АССР; и здесь в числе низвергнутых национальных вождей мы видим председателя ЦИК'а Тогоева и секретаря обкома (с явно перепутанной фамилией).

В расположенных внутри страны автономных республиках разгром, повидимому, еще не принял такого универсального характера ил, может быть, центральная печать ими менее интересуется. Подробные отчеты появились в последнее время в «Правде» лишь о Башкирской АССР, где размах очистительной операции, на деталях которой мы уже не будем останавливаться, не уступает Бурят-Монголии («Правда» от 17-го и 24-го сентября).

С 29-го сентября «Правда» внезапно прекратила печатание появившихся в течение трех недель буквально ежедневно пространных сообщений об искоренении «буржуазных националистов» в национальных республиках. Повидимому, тот факт, что на сообщения эти обратила внимание европейская печать (сводки вроде той, которая напечатана в предыдущем номере «С. В.», появились и в некоторых французских органах), заставил в Кремле насторожиться. Но, увы, молчание «Правды» отнюдь не означает, что кампания эта приостановлена или хотя бы ослаблена. Напротив: приведенные выше сообщения об Аджарии и Северной Осетии — а о них в «Правде» ни слова — ясно говорят, что кампания по искоренению сложившихся руководящих национальных кадров продолжается с неослабной энергией и жестокостью.

Уже самый факт массового характера и однообразия чудовищных обвинений, выдвигаемых на противоположных окраинах гигантской страны против руководителей так мало связанных друг с другом национальных республик, достаточно убедительно говорит, как мало обоснованы эти обвинения. Кто в самом деле поверит, что люди в течение многих лет стоявшие во главе коммунистического советского и партийного аппарата национальных республик, вдруг в массе своей оказались «буржуазными националистами» и «агентами иностранных разведок»? Это аргумент для дураков. Причины похода против руководящих национальных кадров совсем в другом: во все ответливее намечающейся общей переориентировке национальной политики сталинской диктатуры, в постепенном повороте ее к русскому национализму в его примитивно-шовинистической форме. В этих условиях то поколение местных национальных вождей, которое сложилось совсем в другой обстановке, становится бременем для Сталинской диктатуры и выбрасывается «отцом народов» — иначе он не умеет — в помойную яму истории.

С. Ш.

ИЗ ПАРТИИ

БЕССТЫДНАЯ КЛЕВЕТА.

Сталинская проказа начинает все глубже раз'едать и европейское рабочее движение. Сейчас немецкие ученики Сталина усердно распространяют в кругах немецкой эмиграции специальный номер журнала «Интернационал», ежемесячника германской компартии, посвященный разоблачению в международном масштабе «троцкистского предательства». У нас не было бы, может быть, оснований останавливаться на этом грязном пасквиле, если бы в числе агентов гитлеровской полиции (Гестапо) не был назван один из членов нашей партии, тов. Павел Карлович Ольберг.

Тов. Ольберг долго жил в Германии, очень много работал в немецкой социалистической, профсоюзной и кооперативной печати, и настолько ассимилировался в немецком рабочем движении, что даже принял германское гражданство. С приходом Гитлера к власти т. Ольберг вынужден был покинуть Германию и переехал в Стокгольм, с которым он и раньше был связан в качестве давнего берлинского корреспондента стокгольмского «Социалдемократа». Когда ЦК шведской соцдем, решил образовать в Стокгольме комитет помощи немецким беженцам, т. Ольберг был избран секретарем комитета

и проявил в этой работе много энергии. Но в числе сотрудников Ольберга по комитету помощи оказался провокатор: бывший секретарь одной из районных с.-дем. организаций Дрездена Бюттнер, присидевший несколько месяцев в гитлеровской тюрьме и после освобождения бежавший за границу. Проработав несколько месяцев с Ольбергом, Бюттнер похитил кассу и часть архива комитета помощи и скрылся. Вскоре выяснилось, что он вернулся в Германию и что в эмиграции он был агентом Гестапо.

Случай с Бюттнером несчастье и для комитета помощи, и для тов. Ольберга, но что сказать о «сотруднике» «Интернационала», который пишет: «Ольберг выдал Гестапо находившиеся в его управлении эмигрантские материалы (см. дело Бюттнера)»? До какой глубины падения нужно дойти, чтобы за предательство Бюттнера объявить агентом Гестапо преданного им Ольберга?

Итак, от Ольберга протягиваются нити к Гестапо. С другой стороны, Ольберг, конечно, оказывается исключительно активным участником троцкистской организации, поддерживающей через курьеров интенсивную связь с троцкистами в Москве. Одна ложь подpiraет другую, и цепь от Троцкого к Гестапо замыкается. Что и требовалось доказать.

Один из сыновей тов. Ольберга, коммунист, был расстрелян вместе с Зиновьевым и Каменевым — по завелому обильному обвинению в шпионаже и терроризме. Дело о втором его сыне было, как известно, «выделено» для особого процесса, который и до сих пор не состоялся, и с тех пор о его судьбе ничего не слышно. Убив одного сына а, может быть, и обоих, сталинские охранники пытаются теперь через своих немецких агентов убить, если не физически, то морально, и отца бесстыднейшей клеветой.

Что поделаться с этими прожженными негодьями? Заклеймить их презрением и позором? Но что значит лишнее клеймо для этих, давно уже клейменых «мошенников пера и разбойников печати»?

Е. Е. ЛАЗАРЕВ

С глубокою грустью узнали мы о кончине Егора Егоровича Лазарева, отошедшего в вечность 24 сентября в Праге, на 84 году жизни.

Е. Е. был едва ли не старейшим русским революционером, одним из последних участников знаменитого «процесса 193-х», дожившим до наших дней. Этот процесс отметил, как известно, грань, на которой закончился период «розовой юности» народнического движения с культурническим «хождением в народ» и началась эра страстной и героической политической борьбы с самодержавием. Е. Е. донес до наших дней весь напряженный и возвышающий идейно-моральный пафос этой решающей в революционном движении эпохи и был этим дорог всем, кто, и расходясь с ним политически, не переставал и не перестает чувствовать себя учеником и наследником того первого революционно-социалистического поколения, к которому принадлежал почивший.

Крепостной крестьянином по происхождению, Е. Е. до конца жизни сохранил и физический облик крестьянина и типично-крестьянский склад ума. До конца жизни остался он «народником» и был членом партии социалистов-революционеров. Но мы, социалдемократы, чтим в нем прежде всего ту революционную духовную ценность, какой он был «сам по себе», помимо и поверх всяких партийных рамок. С этим чувством склоняется наша партия перед могилой одного из последних могикан нашего общего революционного прошлого.

ИЗДАНИЯ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ.

Звезда России, № 9 (97).

Новая Россия, № 33.

Современные Записки, Кн. 64.

Вестник Украинской Громады у Франції, Ч. 63, 64.

Оборонческое Движение, № 5.

Дело Труда, № 98.

Иван Бирдин. Вселенная и человечество, Прага.

Руски Архив, Кн. 32-33, 34-35, 36-37, 38-39, Београд.

Бюллетень оппозиции, № 58-59.

Тризуб, № № 35, 36.

Karl Kautsky. Sozialisten und Krieg, Ein Beitrag zur Ideengeschichte des Sozialismus von den Hussiten bis zum Völkerbund, Orbis-Verlag, Prag, 1937, S. 702.

La Révolution prolétarienne, N° 253, 254, 255, 256.

Marxistische Tribüne, N° 8. Zur spanischen Frage.

Der Kampf, N° 9, 10, 1937.

Socialist Review, Sept. 1937, Vol. 6, Nr. 2. Official theoretical organ of the Socialist Party of the United States.

I. P. I. Informations Pédagogiques Internationales, N° 6.